

И. Я. Куценко

ЕЩЕ РАЗ О КАЗАКАХ

Для огромного большинства ученых их наука — средство, а не цель. Поэтому они никогда не произведут в ней чего-либо великого: для этого требуется, чтобы наука для того, кто ею занимается, была целью, а все остальное, даже и самое существование, - только средством.

А. Шопенгауэр. Афоризмы и максимы

Наука о прошлом всегда развивалась и развивается через борьбу мнений, точек зрения, утверждений авторов исторических сочинений. Последние тем ценнее, чем адекватнее, точнее изображают и оценивают авторы на своих страницах противоречия минувших времен, в первую очередь основные, последствия их разрешения, причинность очередных больших и малых социальных катаклизмов, поведение в них разных групп людей, отдельных личностей. Реалистичность исторического прочтения социального опыта обеспечивает прочное, осмысленное самоосознание человеком и обществом своего положения в контексте выпавшего на их долю бытия, оптимальность представлений о процессах, происходящих ныне, учит прогнозировать вероятные направления прогресса, видеть возникающие для него препятствия, в чем, собственно, и состоят основное предназначение и востребованность исторической науки. В последние годы издано много работ по истории казачества, разных по объему и качеству содержания. И вот что интересно: практически для всех них заявляемым или только читаемым между строк продолжает оставаться выяснение коренного вопроса – кем все же были казаки в начале XX века? Ответ на него даст понять, что представляют собой и как выглядят в глазах современного общества нынешние любительские казачьи объединения, какими должны быть их взаимоотношения с другими группами населения. В октябре 2004 года в Интернете появилась статья доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой дореволюционной истории России Кубанского государственного университета, председателя совета по присуждению докторских и кандидатских ученых степеней Валерия Николаевича Ратушняка «Под стягом России. К 300-летию Кубанского казачьего войска». На ее первой странице говорится: «Казачество – это уникальный субэтнический

генофонд российского суперэтноса. Несмотря на вынужденные эмиграции, репрессии, попытки навсегда стереть его историческую память, при свежем дуновении ветра перемен казачество, как феникс, возродилось из пепла и первым при начале развала традиционной России словом и делом выразило свой протест. Вряд ли проявила бы себя так какая-нибудь сословная корпорация, в свое время ликвидированная. Что-то не слышно о массовом возрождении и масштабных деяниях таких сословий, как дворянство, купечество, мещанство. Правы, видимо, те, кто считает, что казачество как субэтнос славянства - это не только особый менталитет, но и особое состояние духа» (*Ратушняк В. Н. Под стягом России. К 300-летию Кубанского казачьего войска. С. 1.*).

Итак, казачество – субэтнос славянства. Против этого возражать невозможно. То, что казачество имеет присущие только ему особенности социальных и бытовых традиций, мировосприятия и общественной психологии, общеизвестно. Но ограничиваться при его характеристике только признаками, которые могут истолковываться как этнические, значит упускать из вида другие весьма существенные стороны природы дореволюционного состояния казаков, которые этническими назвать никак нельзя. Царское государство за два предреволюционных столетия серией законодательных актов превратило казачество в военизированное сословие, специфичными экономическими и социально-политическими интересами пристегнуло его к верхним слоям помещичье-буржуазного общества. Признать это – значит понять, что казачье сословие было поднято на уровень антинародной, обслуживающей тогдашних хозяев страны силы, что особенно проявилось в годы революций. Первым это понял Ф. А. Щербина. Чтобы замаскировать антинародную, защитную для самодержавного режима сущность казачьей сословной группы, он прибегнул к сочинению легенды об особом месте казаков, которые будто бы не очень повиновались Российскому государству, были чуть ли не самостоятельным объединением такого запорожского типа. Щербиновская сказка противоречила реалиям и официальной версии. Во всех документах империи казачество называлось сословием. Так, один из наиболее известных историков казачества М. Хорошхин писал: «Казаки издревле составляли военное сословие, обязанное поголовною военною службой; таким сословием они считают себя и в настоящее время» (*Хорошхин М. Очерк казачьих войск. Спб., 1884. С. 29.*). Нужно напомнить, что на Кубани концепция Щербины получила признание далеко не сразу. Но со временем для части казачества откеститься от сословного прошлого и удариться только в объяснение собственных этнических свойств стало выгодно. Это позволяет и сегодня обелить тяжкую вину царского казачества за активное участие в подавлении

освободительного движения, длительное противостояние трудовому населению страны.

Если принять только щербиновскую, продолжаемую Ратушняком линию, а именно, что предреволюционное казачество всего лишь «субэтнический генофонд российского суперэтноса» (какой супернаучный набор терминов!), то мощная, разветвленная, единственная в своем роде в России сословная казачья организация должна признаваться не государственным, а этническим порождением, а императорский корпус казачьего генералитета и офицерства – корпорацией этнических вождей, вроде тех, которые правили своими племенами в Африке или джунглях Амазонии. И как в этом случае объяснить, что известный российский субэтнос стал ударной силой жестоких расправ с революционными выступлениями, опорой белогвардейщины, дал наибольшее количество бывших советских граждан, добровольно ушедших служить гитлеровцам в качестве карателей и палачей? О таких масштабных деяниях действительно не могли и мечтать старые сословия дворян, купцов, мещан. Что уж говорить об их способностях к возрождению? У них не было служилой круговой поруки, организованности мелких хозяйчиков, подобных казачьей, которые не вписываются под ранжир этнических. Ратушняк призывает «изучить причинно-следственные связи событий, понять, почему история пошла таким, а не иным путем» (*Ратушняк В. Н. Указ. произв. С. 8.*). Но разве это возможно, если предварительно отказаться от учета в социально-политическом по своей сути противоборстве ведущих экономических, военно-политических и других основ казачьей войсковой сословности?

Далее Ратушняк пишет: «Автор современной книги о кубанском казачестве проф. Куценко, оптом объявив русских дореволюционных историков-кавказоведов «царскими борзописцами» (этот взятый в кавычки термин принадлежит не Куценко, а Ратушняку), считает, что казаки были активными проводниками реакционной царской политики на Северном Кавказе. В отличие от Ф. А. Щербины он во всем обвинял казаков. Правда, он смягчает это обвинение политической слепотой и малограмотностью рядовых казаков, на которых якобы сильно действовал монархический яд. Казачьи же офицеры, по его словам, пили эту монархическую сивуху с упоением» (*Ратушняк В. Н. Указ. произв. С. 5.*).

Такова оценка ведущего идеолога современного казачьего возрождения пока единственной монографии, обобщающей исторический путь, пройденный кубанскими казаками. Ее можно проигнорировать, обойти молчанием. Мало ли что сейчас пишут и говорят: у нас свобода слова. Но

правильно ли это будет? Утверждения из появляющихся печатных выступлений используются в исторических истолкованиях, имеющих немалую социально-политическую значимость, в воспитательной работе среди граждан страны и края, в формировании методологических представлений у поколений молодых историков. Ради такого важно найти истину. Хотя искать ее не надо. Следует только пожелать ее увидеть, разобраться в ней объективно, без предварительной политизированной запрограммированности, честно и открыто назвать и учитывать ее основные черты и характеристики, какими бы неприглядными они ни были.

Я знаю В. Н. Ратушняка очень давно. Мы выпускники разных лет одного факультета нынешнего Кубанского государственного университета. Живем и работаем в одном городе, случается, сотрудничаем в подготовке кадров историков-ученых. У нас нормальные человеческие отношения. Но есть разделяющее нас: разное по уровню осмысления и преднамеренной заданности понимание процессов исторического развития в целом, относящееся к обществу вообще и, в частности, относящееся к объяснению специфичного и бурного прошлого нашего края. Причем, как видно из приведенных цитат, наши обобщения вызывают не только неприятие, но даже возмущение Валерия Николаевича. Поскольку его статья юбилейная, в известном смысле итоговая, несет в себе сегодняшнюю политическую нагрузку по важной проблеме и в ней так уничижительно представлен (или не понят?) автор настоящей работы, он поставлен перед необходимостью выяснить принципиальные стороны ныне чрезвычайно распространившихся исторических интерпретаций.

Предварительное замечание: следует отметить недопустимость принятой Ратушняком некорректной тональности - я никогда не «объявлял» дореволюционных кавказоведов «царскими борзописцами». Выражений «оптом», «царскими борзописцами» в упомянутой книге, как и в других моих работах, нет. Они принадлежат Ратушняку. Нетрудно убедиться, что в упомянутой Ратушняком книге я отнесся к дореволюционной историографии внимательно, широко ее используя, разумеется, с позиций критического подхода.

* * *

Жить на Кубани и так или иначе не соприкоснуться с казачьей темой ни один человек, а тем более историк не может. Впервые мне выпало увидеть казаков летом 1936 года пятилетним мальчиком. Тогда мы с мамой на пароходе плыли по реке Кубань в гости к ее сестре в станицу Славянскую. Муж тети усадил меня на раму своего велосипеда и повез на соревнования

– скачки. Запомнился скакавший на коне всадник в кубанке, бурке с ярко-красным башлыком. А потом, уже в Краснодаре, я стал свидетелем прохождения кавалерийской казачьей части. Мы с мальчишками стояли на углу улиц Пушкина и Красной, напротив здания современной краевой библиотеки, и во все глаза смотрели на главную улицу, по которой шла колонна конницы. Впереди ехал казак с красным знаменем. Казаки-красноармейцы были в светло-синих черкесках, шапках-кубанках, на гнедых конях. Молодые парни смущенно улыбались. Явственно помню, что в правой руке каждый всадник держал пику, сделанную из железных трубок, что было видно по местам их соединений (они обозначались плоскими окольцеваниями), окрашенную в зеленый цвет. За конниками ехали тачанки. У пулеметов, которые мы хорошо знали по недавно просмотренному кинофильму «Чапаев» и которые тогда впервые увидели наяву, сидели по два казака. Как мне стало ясно позже, первый и второй номера расчетов.

Кто из кубанских мальчишек 30-х годов не бредил казачьей формой, такой воинственной, с обязательным грозным кинжалом? Да и воспринималась она под звучащую по радио на улицах песню:

Газыри	лежат	рядами	на	грудь,
Алым	пламенем	сияют		башлыки.
Красный	маршал	Ворошилов,		погляди
На казачьи богатырские полки.				

И еще тогда гремели «Каховка, Каховка, родная винтовка...», «Братишка наш Буденный...», «Тачанка», «По военной дороге...». Казачья одежда казалась романтической, манящей до тех пор, пока я не надел форму матроса Краснознаменного Балтийского флота, краше которой, уверен, не было и нет на белом свете.

В Краснодарском пединституте на историко-филологическом факультете историю казачества нового времени не только не преподавали - она была полностью опущена. О ней совершенно не упоминали, видимо, потому, что ее не знали преподаватели. Разумеется, мы листали двухтомник Ф. А. Щербины «История Кубанского казачьего войска», другие старинные издания, но популярностью они не пользовались. Их можно было посмотреть в городских библиотеках. Однако нас тогда, в 50-60-е годы, волновали другие вопросы: выходило новое поколение учебников «История СССР», важным событием стало издание Полного собрания сочинений В. И. Ленина, сборников документов по истории революционного движения на Кубани, фактически впервые в Советском

Союзе в научных журналах развернулась позитивная полемика по проблемам философии, тем не менее изобиловавшая постановкой острых вопросов. Казачья тематика в нашем крае практически не разрабатывалась, если не считать кратких экскурсов в нее, например, «Очерков истории Краснодарской организации КПСС», других отдельных изданий. Отметим, что в отличие от Кубани казачья тема обстоятельно исследовалась на соседнем Дону, в Ростовском государственном университете, где были опубликованы исследования А. П. Пронштейна, К. А. Хмелевского и других ученых.

Возможно, на затухании кубанской казачьей темы сказывалось то, что в Советской Армии уже не было казачьих соединений, как и кавалерии вообще. Широко не пропагандировались даже подвиги казаков-гвардейцев в Великую Отечественную войну. О них вышло несколько работ, в том числе две брошюры Г. П. Иванова, позже – сборник документов, книга о 9-й Краснодарской пластунской дивизии.

Был воздвигнут величественный монумент советским кубанским казакам у станицы Куцевской. На его открытии присутствовали ветераны. Героизму кубанцев в борьбе с фашизмом были посвящены материалы в местной прессе. Но такие мероприятия носили характер единичных кампаний. За все послевоенные годы в центре Краснодара не Установлено ни одного памятного знака, посвященного четвертому гвардейскому Кубанскому казачьему кавалерийскому корпусу.

Ярким событием стал выход на экраны страны «Кубанских казаков», ставших по праву одним из лучших художественных фильмов советского периода. Снимался он в Краснодарском крае. Но уже в период съемок было ясно, что казачьи традиции не будут иметь продолжения. Шапки-кубанки, которые раздавались актерам и участникам массовок, оставались предметом реквизита. Тогдашние кубанцы - и горожане, и станичники - давным-давно обходились, как и повсюду в стране, фуражками, шляпами, даже тюбетейками. При просмотре фильма люди понимали, что кубанки к обычным пиджакам или рубашкам - это режиссерская находка. Нужно же было оправдать название произведения.

Где-то в конце 50-х или самом начале 60-х годов был распущен существовавший несколько послевоенных лет Кубанский казачий хор. Из-за нерентабельности. Его концерты посещались без особого энтузиазма малым числом зрителей. Помню последнее участие в первомайской демонстрации артистов хора. Мужчины были в белых черкесках, при серебряных газырях и кинжалах. Но те казаки как-то не вписывались в

праздничную толпу демонстрантов. С роспуском этого коллектива надолго угасли последние следы советской кубанской экзотики. В 60-е годы по улице Красной хаживал высокий стройный старик-ветеран в синей черкеске, при газырях. На него прохожие посматривали с сожалением...

В аспирантуре Ростовского университета, работая над кандидатской диссертацией о культурном строительстве на Кубани в 20-х годах, мне пришлось встретиться с трудностями в понимании ряда вопросов. Их корни уходили в предреволюционное прошлое Кубанского войска. Попытка познакомиться с ним обстоятельнее встретила противодействие. Тема оказалась если не закрытой, то, во всяком случае, нежелательной. Научный руководитель опытный доцент А. Г. Беспалова отрезала: «Казачеством никогда не занимайтесь». Но проблема, что называется, звала. Не разобравшись с ней, делать обобщающие выводы об истории Северо-Западного Кавказа было невозможно. И я продолжил, конечно, не специально, целенаправленно, но там, где это было возможно, собирать материалы о казачестве. В партийных архивах Краснодарского края, Ростовской области, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС делать выписки из документов с информацией о нежелательных движениях в казачестве, об отношении к ним властей, о борьбе с антисоветскими выступлениями в станицах было запрещено. Так, в ЦПА не разрешалось, например, цитировать стенограммы пленумов ЦК партии, документы секретариата ЦК. Выдавались в основном материалы организационного отдела, отдела пропаганды ЦК, некоторые персональные фонды. Но фонд В. И. Ленина (Ф. 2) был фактически закрыт. На мои просьбы работник сектора произведений В. И. Ленина В. Я. Зевин сказал: «Пользуйтесь Полным собранием сочинений В. И. Ленина. Мы опубликовали все им написанное, за исключением некоторых заметок на полях, записок». Но это было не совсем так. Кроме того, меня привлекало в ленинском фонде то, что к непосредственным ленинским документам в делах, как правило, прилагались материалы, послужившие их появлению. Это были уникальные сообщения с мест, разные справки. Лишь однажды с разрешения заведующего Центральным партархивом Р. А. Лаврова мне посчастливилось ознакомиться с интересовавшими сведениями, разумеется, без права ссылки на них в открытой печати. От того времени сохранились мои тетради с вырезанными контролером местами, на которые, по его мнению, попала крамольная информация. Но кое-что удалось сохранить. Менее строгим был режим в центральных государственных архивах: Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, Советской Армии, хотя для работы с

засекреченными фондами документов периода гражданской войны требовался письменный допуск, оформлявшийся через представительство КГБ.

Первые публикации о казачестве, его развитии и судьбе, какими они мне виделись тогда, были подготовлены мной в 1962-1963 годах. Ратушняк в то время был студентом второго или третьего курса, а нынешний атаман кубанских казаков В. П. Громов ходил в пятый или шестой класс. Стоит ли говорить, что ни один из современных возродителей казачества тогда не пытался даже как-то обозначить тему. Они учились или исправно трудились, как все современники. Казачьи же гены проснулись в них несколько десятилетий спустя.

На меня оказали влияние известные историки казачества А. П. Пронштейн и К. А. Хмелевский, с которыми я работал на одной кафедре (истории СССР) РГУ. Именно Александр Павлович составил мне протекцию, позвонив Лаврову, которого знал по своим студенческим годам, чтобы тот посодействовал разрешить мне ознакомиться с некоторыми ленинскими материалами. В свое время А. П. Пронштейн и К. А. Хмелевский принимали у меня вступительный экзамен в аспирантуру. Жизнь распорядилась так, что с этими профессорами мне посчастливилось сотрудничать много лет.

Интерес к казачьей теме рос. Я продолжал разрабатывать ее уже целенаправленно, став кандидатом, а через 13 лет доктором наук. Как я работал? Конечно, прежде всего изучал доступные мне литературу и источники. В советское время преподаватели-обществоведы обязывались раз в 3-5 лет проходить 5-месячную переподготовку при ведущих университетах страны. Мне выпало счастье несколько раз учиться в Институте переподготовки и повышения квалификации преподавателей-гуманитариев Московского государственного университета. Нас, стажеров, обеспечивали прекрасным жильем в главном здании МГУ, помимо сохраняемой зарплаты, доплачивали солидную сумму на приобретение литературы. Мы имели возможность постоянного общения со всеми ведущими учеными СССР, многими зарубежными коллегами, что расширяло кругозор, поднимало теоретические представления. Все свободное время проводил в архивах и библиотеках столицы. Кроме этого, Краснодарский политехнический институт никогда не скупился на научные командировки, и я имел возможность выезжать для работы в Москву, Ленинград, Ростов-на-Дону, Махачкалу, Грозный, Владикавказ, Нальчик, Ставрополь, Армавир, Майкоп, Новороссийск в любое удобное для меня время. Иногда на учебный год выпадало несколько поездок. Все

они были продуктивны. К сожалению, сегодня наша научная молодежь такой возможности лишилась.

Среди библиотек, в которых пришлось работать, для меня на первом месте стоит Российская государственная библиотека (бывшая Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Я стал ее читателем, будучи аспирантом, в 1961 году. Много лет работал в ее третьем зале. Став доктором наук, получил читательский билет первого зала, который посещаю уже почти три десятилетия, используя для этого любое появление в Москве. На одной из своих книг, подаренных любимой библиотеке, сделал надпись: «Дорогой ленинке с сыновней благодарностью за щедро подаренное счастье многолетнего общения с ее интеллектуальными сокровищами».

Неоценимой была помощь, которую оказали Генеральный каталог Государственной библиотеки СССР; каталоги Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне - Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург); каталоги из фондов специального хранения, доступ к которым давало только специальное разрешение; каталоги Института научной информации по общественным наукам АН СССР; Исторической публичной библиотеки РСФСР; библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (бывшая библиотека Коминтерна), библиотеки МГУ имени А. М. Горького. Шифры их волшебного справочного арсенала обеспечивали немедленную доставку из библиотечных глубин удивительных редких книг, статей, карт. Продолжительное время (с перерывами) работал также в Ростовской областной научной библиотеке (носившей имя К. Маркса), библиотеках Ростовского и Кубанского университетов, местных архивов и музеев и, конечно, в Краснодарской краевой библиотеке им. А. С. Пушкина.

Научная литература дала возможность ознакомиться с большинством отечественных и зарубежных работ, посвященных истории казачества, взаимоотношений с ним разных государственных систем и политических сил. Помогло также то, что более 10 лет я выезжал в многомесячные командировки в Болгарию, которая в свое время была одной из стран расселения значительной части российской, в том числе казачьей эмиграции. В библиотеках Софии и Пловдива большое количество хорошо сохранившихся белогвардейских изданий, найти которые в Москве, Ленинграде, а тем более в Ростове и Краснодаре было невозможно. Особенно признателен я Народной библиотеке им. Ивана Вазова в городе Пловдиве.

Книги, официальные собрания законов и распоряжений разных властей, стенограммы и протоколы заседаний политических и общественных организаций, разного рода энциклопедии и справочники, статистические сборники, многочисленные тщательно, обязательно с выписками, проштудированные подшивки газет и журналов за длительный период их изданий ввели в атмосферу разных эпох, позволили представить сложную картину динамики исторического развития изучаемого явления.

Но основную массу материалов, привлеченных к исследованию составили документы практически всех центральных архивов, в которых содержатся сведения о казаках нового времени, их взаимоотношениях с официальными институтами, о реагировании на происходившие события и др. Работу в архивах вел систематически, на протяжении многих лет. Продолжаю ее до сегодняшнего дня. Ценные материалы дали также фонды партийных и государственных архивов Краснодар, Ростова, Ставрополя, Армавира, Майкопа, Новороссийска. В итоге было выявлено большое количество достоверных документальных свидетельств, в том числе ранее не принимавшихся историками во внимание. Когда представлялась возможность, собирались также устные свидетельства людей, помнивших огненные годы революции. Интереснейшие детали отгремевшего противоборства посчастливилось узнать из уст генерал-лейтенанта Ивана Лукича Хижняка, бывшей руководительницы кубанских большевиков Прасковьи Ивановны Вишняковой, одного из руководящих военных работников Екатеринодара в 1918 году Федора Яковлевича Волика, бывшего адъютанта И. Л. Сорокина Федора Федоровича Крутоголового, бывшего первого секретаря Кубано-Черноморского обкома комсомола Веры Васильевны Каблучко, известного партийного работника Петра Николаевича Гудимы и других. Мне выпало встречаться с ними в Краснодаре в домашней обстановке, бывать в гостях в Москве у И. Л. Хижняка, П. И. Вишняковой, В. В. Каблучко. Какие это были интересные люди! О событиях на Кубани с детства слышал от моих родителей, участников гражданской войны, - Якова Ивановича Куценко и Анны Ивановны Мелещенко. На устные свидетельства я, разумеется, не ссылался, но они передавали эмоциональную напряженность давних времен, непреклонную убежденность в правоте борьбы трудового народа, то есть способствовали выработке нравственно-политической позиции подхода к истории.

За десятилетия удалось собрать большой разнообразный фактический материал не только о кубанском, но и донском, оренбургском, терском, астраханском и обо всех других казачьих объединениях. В 80-е годы я стал обдумывать, как целесообразнее попытаться собранные факты

изложить в книге. Вскоре понял, что одному поднять историю всего российского казачества не под силу: уж очень объемным должен был получиться такой труд. Наверняка - многотомным. Да и кто стал бы его печатать?

В советское время выпустить даже небольшую книгу было непросто. Так сама жизнь подсказала конкретность темы. Первый вариант названия книги был «Великий Октябрь и кубанское казачество». По настоянию редактора моей книги в краевом издательстве В. И. Яковлева после дискуссии и согласований было решено название сократить. Так появилась монография «Кубанское казачество». Она увидела свет в 1990 году. В соответствии с первоначальным замыслом основной акцент в ней сделан на центральной для судеб казаков и, я считаю, наиболее сложной проблеме: революция и казачество.

Исторические факты, выявленные, собранные, систематизированные, - это кирпичики будущей мозаики текста исторического повествования. Опыт показывает: фактического материала всегда должно быть намного больше, чем вмещает книга: масса документов или их неиспользованные части остаются за рамками исторического сочинения. Но автор постоянно имеет их в виду, может вернуться к ним. Нередко бывает, что, вчитываясь в опубликованный текст, ловишь себя на мысли: вот здесь следовало бы привести еще такой-то документ (или процитировать его фрагмент). Нормальным является, когда в личном творческом архиве историка (творческом, потому что, уже знакомясь с материалами архивов, исследователь отбирает для себя наиболее яркое, нужное, то есть начинает анализ) остаются не вошедшие в его печатные работы документы. Как правило, их не меньше, чем опубликованных.

И еще одно наблюдение. Касается оно характера содержания исследовательских усилий. Задумав определенную тему, историк приступает к сбору фактов. Работа эта ведется практически одновременно в разных местах: исследователь переходит из архива в архив, из библиотеки в библиотеку. Везде свои порядки, которые следует строго соблюдать. Занимаясь сбором материалов, втягиваясь в достаточно монотонную работу, неизбежно попадаешь во власть производственного режима. Выявление фактов становится психологически все более привычным, знакомым делом, обычно растянутым на многие недели и месяцы. Но вот наступает время, когда приходит осознание того, что материала собрано достаточно, нужно приступать к его систематизации и описанию. И здесь требуется период адаптации к новому виду труда, возвращение к стереотипу создания текста (если работа делается не в

первый раз). Я на собственном опыте неоднократно переживал трудности (пусть не очень существенные) перехода от одного вида работы к другому.

Такая сложная, многогранная, внутренне противоречивая тема, как история казачества, потребовала тщательной разработки и общего замысла, и структуры изложения. А материализация намеченного плана была невозможна без выбора если не новых, то нередко по-новому, самостоятельно дифференцированных способов осмысления и донесения до читателя увиденной автором основной исторической истины. Исследователь, прежде всего, должен разобраться с темой для себя, выверить все ее позиции, чтобы затем принять всю полноту ответственности за будущий труд. При этом структуру текста всегда определяют выявленные факты.

С самого начала у меня не было и тени сомнения, что должна была изучаться *политическая* история казаков, а никак не этническая (хотя и для этнографов в казачестве проблем более чем достаточно). Потрясения, которые пережило в XX веке казачье население, и вызывались, и были, по сути, фактором политического порядка, а не взрывом, вызванным этническим своеобразием. Во-вторых, и это главное, объяснения казачьего вопроса во всей его сложности в советской историографии не было. Справедливости ради подчеркнем: он остается нераскрытым и сегодня. Но теперь уже не из-за замалчивания или сокрытия «острых углов», а из-за позиций типа тех, которые отстаивает Ратушняк.

Я в свое время поставил перед собой ясную цель: внести посильную лепту в объяснение одной из проблем XX века – трагедии казачества. Здесь огромное значение имеют личная политическая ориентация автора, его социальная и нравственная убежденность. Для меня, внука погибшего красноармейца Стальной дивизии Д. П. Жлобы Ивана Ивановича Мелещенко, сына коммунистов – участников гражданской войны и социалистического строительства, ветеранов Великой Отечественной войны, свидетеля величайшего подвига нашего народа и большевистской партии в борьбе с фашизмом, три десятилетия состоявшего в КПСС (в партию я вступил в 1961 году, в один год с Ельциным и Горбачевым), профессионального историка, исходным было и остается признание объективности, а следовательно, несомненной исторической целесообразности сначала буржуазно-демократической, а потом социалистической революции в России, ибо только последняя – закономерная ступень социального протеста, как подтвердил реальный опыт, установила строй, который смог осуществить самую радикальную

модернизацию государства, общества, экономики, социальных проблем огромной страны, догнав всего за несколько десятилетий передовые страны мира. Неотвратимость революционных трансформаций, связанных с ними жертв была подготовлена длительным, откровенно эгоистичным, грубым и преступным отношением к своему народу самодержавия, аристократическо-дворянской элиты, показавших своим правлением полную неспособность хотя бы на сколько-нибудь эффективные эволюционные реформы.

Из указанной основной позиции вытекал следующий, для меня генеральный вывод: предреволюционные манипуляции с казачеством царизма, а потом Временного правительства говорили о том, что старая элита из всех сил, до последней возможности цеплялась за ускользавшую из ее рук власть, пыталась защитить себя, собственное, уникальное в своей привилегированности положение, старые порядки от грозно приближавшегося вала народного негодования. Помещичье-буржуазные круги в дни революции с особой силой продемонстрировали собственный эгоизм, свое неподвластное никакому реформированию, извечно враждебное, проникнутое классовой ненавистью отношение к трудящимся. Логика этой общеизвестной очевидности властно подсказала главный рабочий подход, выдержанный во всей книге. Он в следующем: из всего спектра характеристик казачества прежде всего следует учитывать predeterminedенную ему царским государством политическую и военную роль.

Любая организация или общность, находящиеся под покровительством государства, создаются для чего-нибудь. Иначе их появление и существование лишаются смысла. Для чего-то царизмом было организовано и всячески поддерживалось казачье сословие. Уж, во всяком случае, не для того, чтобы любоваться его этническими особенностями. На кубанское казачество помещичьим государством были возложены очень обременительные и ответственные задачи. Они заключались, во-первых, в повышении мощи российской армии в завоевании с одновременной колонизацией Северо-Западного Кавказа; во-вторых, в участии в подавлении революционного движения в стране. Эти задачи представлялись настолько существенными, что царизм уделял исключительное внимание заботам об укреплении кубанского отряда сословного войска. Если бы не такая поддержка, казачества в том его виде, в котором оно подошло к началу XX столетия, не существовало бы. Составлявшие его основу станичники быстро превратились бы в обычных южнорусских селян. Таким образом, корни казачьего субэтноса славянства следует искать не столько в переплетениях этнического

развития, сколько в политике самодержавия. Решающая роль государства в сохранении обособления казачества не вызывает сомнений, причем именно царского государства помещиков, дворян, буржуазии. Для сравнения можно отметить, что нынешнее Российское государство поддержать сословное возрождение казачества не в состоянии. Современная Россия унаследовала от советского общества такую социальную структуру общества, в котором социально-классовой основы для официального выделения особого слоя населения нет. Чтобы возродить, то есть воссоздать кубанское казачье сословное войско, потребовалось бы вернуться к монархическому строю, восстановлению помещичьего землевладения и всевластия помещиков. По всей видимости, это произойти не может. Поэтому, несмотря на все усилия казачьих лидеров, неплохо эксплуатирующих авторитет прошлых высот казачества, и даже учреждение поста советника Президента по вопросам казачества, принятие в 2005 году закона о казачьих объединениях, создать из нынешних любительских казачьих организаций что-то действительно серьезное, общегосударственное не удастся. И не нужно быть оракулом, чтобы сказать: и не удастся, потому что сегодняшнее Российское государство в вооруженной защите со стороны групп станичников, претендующих на особое положение в обществе, не нуждается. То есть для роли казаков в стране, хоть в какой-то мере напоминающей их значение до революции, оснований нет.

Ратушняка обижает, что я написал о том, что на казаков якобы сильно действовал монархический яд, а офицеры «пили эту монархическую сивуху с упоением». Готов сделать пояснения. Как видно из приведенных высказываний и из тех, что последуют ниже, Ратушняку нравится царское государство. Эта позиция понятна. Она нужна для оформления идеологии казачьего возрождения. Как же без признания высокого предназначения царизма говорить о сословном казачестве? Оно ведь и начиналось с щедрого дара императрицы казакам кубанской земли. На казачьем гербе инициалы императоров, под знаменами которых служили разные поколения казаков. На восстановленном памятнике, посвященном казачьему войску, золотом выбиты изречения из царского манифеста по случаю 200-летия Кубанского казачьего войска. Скоро краснодарцы вновь будут лицезреть памятник Екатерине II - «матери» кубанского казачества. Помня об этом, нельзя, однако, забывать, что век Екатерины был апогеем крепостничества, что царица была палачом Е. И. Пугачева, раздала своим фаворитам многие сотни тысяч крепостных крестьян. Нынешним возрожденцам нужен позитивный блеск самодержавности, гром побед российского царского оружия. Без такой патетики казачья история необъяснима. Но ученый должен быть последовательным, никогда не

забывать о социальной сущности самодержавия, об отношении к нему разных людей и разных частей российского общества в разные периоды. Монархизм в конечном итоге привел страну к величайшей революции. В этом главный, неопровержимый момент истины всего прошлого России. Считать, что жизнь «под крыльями двуглавого орла» была гармоничной, благополучной, оснований нет. Гнев восставшего народа был направлен на безнадежно архаичные порядки и социальные силы, пестовавшие царизмом, делавшие существование народа невыносимым, то есть самодержавие выступало злейшим врагом трудящихся масс – своих верноподданных.

Начиная с углубления кризиса крепостнической системы в конце XVIII века и далее, логика социального развития России неотвратимо поставила в повестку дня ее истории упразднение монархии. Глубокая, осознанная ненависть к самодержавному режиму – опоре позорного крепостного угнетения, надругательства над народом – пронизывает передовую общественную мысль от Радищева и декабристов, Герцена и народолюбцев. Идея физического истребления царя придумана не большевиками. Не их представителю принадлежали пламенные слова:

Самовластительный				злодей!
Тебя,	твой	трон	я	ненавижу,
Твою	погибель,		смерть	детей
С	жестокой		радостью	вижу.
Читают	на		твоем	челе
Печать		проклятия		народы,
Ты	ужас	мира,	стыд	природы,
Упрек ты богу на земле.				

А. С. Пушкин. Вольность. Ода.

Наш величайший национальный поэт предрекал:

Мы	добрых	граждан	позабавим
И	у	позорного	столпа
Кишкой		последнего	попа
Последнего царя удавим.			

Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 535.

Так что большевики всего лишь приняли давно возникшую историческую эстафету и довели ее до трагедийного финала. Могло бы его не быть? Только при условии, если бы самодержавие было в состоянии трезво

оценить собственную бесперспективность и уступить место у властного руля общества другим, более современным силам. Но на такое оно было неспособно. На основе высокой сознательности и самокритичности, без боя от почетных управленческих рычагов, дающих огромные привилегии и высшее наслаждение - наслаждение властью, добровольно не уходил ни один класс, ни одна элита - от королей и царей до коммунистов и националистов. Их всех всегда и везде приходилось свергать в упорной, ожесточенной, нередко беспощадной борьбе, силой оттаскивая от ставшей привычной, «своей» государственной кормушки, за которую всякий раз свергаемые держались до последней крайности, принося неисчислимые беды тем, кому они обязаны были служить.

Здесь у нынешних возродителей казачества явно узкое место. Они не могут не знать о давней всероссийской традиции отрицания самой идеи самодержавности, о том, каких огромных усилий и жертв потребовала вековая борьба с царизмом. Пытаться поднимать сегодня (хотя бы на словах) авторитет самодержавной власти - значит впадать в маразм отрицания уже состоявшегося приговора истории.

В наши дни стали обычными публикации об императорах, старых сановниках, деятелях белого движения, подвигах казаков - покорителей Кавказа. Так, 18 мая 2004 года краевая газета «Кубанские новости» поведала о 136-летию со дня рождения Николая II, поместив его портрет. В информации, в частности, сказано о завещании Александра III сыну: «...Помни: у России нет друзей. Нашей огромности боятся... В политике внутренней прежде всего покровительствуй церкви. Она не раз спасала Россию в годину бед. Укрепляй семью, потому что она – основа всякого государства».

Думается, Александр III допустил существенный промах, забыл о народной мудрости: на Бога надейся, а сам не плошай! Ему бы, помимо церкви, посоветовать молодому самодержцу покровительствовать также многим десяткам миллионов трудящихся – абсолютному большинству угнетенного населения империи, сориентировать его на глубокие, давно назревшие реформы, которые дали бы рабочим 8-часовой рабочий день, достойные условия существования, передали крестьянству хотя бы половину помещичьих земель, по примеру США, Англии, других передовых стран ввели бы демократические отношения в обществе, отменив кричащие привилегии аристократии, обуздали бы плутократов, снизили бы налоговую кабалу на мужиков, и, глядишь, обошла бы Русь-матушку кровавая революция стороной. Ан нет. Не возжелали самодержцы, ни отец, ни сын, увидеть гигантские общественные

антагонизмы, которым нужно было уделить немедленное внимание. Такой расклад делает весьма туманной идею возрождения казачества и для самих казаков, и для наблюдающих за ними. С одной стороны, для них необходимо демонстрирование преданности памяти царизму, реабилитации белогвардейщины, чтобы получить признание в глазах потомков белой эмиграции в СТТГА, в распоряжении которой остались старинные казачьи регалии. Заполучить их была мечта возрождателей. С другой – возрождаемые казаки, отворачивающиеся от советского антиказачьего прошлого, не могут не считаться с некоторыми советскими атрибутами - например, орденами и медалями ветеранов Великой Отечественной войны, записавшихся в новое войско. Нынешние казачьи руководители участвуют в торжественных ритуалах, родившихся в советское время, – празднованиях 23 февраля, 9 мая. Состыковать разное в казачестве - монархизм, защиту белогвардейщины, борьбу за революцию красных казаков, вклад казаков в коллективизацию станицы, героизм советских защитников Родины, а теперь еще и учесть интересы закордонных блюстителей казачьих традиций - дело едва ли выполнимое. На декларации наших «новых» казачья колония в США реагировала настороженно. Думается, за океаном живут люди умные, понимающие, что происходящее ныне на Кубани, имеющее отношение к казачеству, на деле является всего лишь местной издержкой демократических параметров современной политической жизни России. У них могут быть сомнения в ненастоящности возрождения.

Современные казаки-эмигранты видят, что старую обширную войсковую земельную латифундию - экономическую основу войска - государство возвращать не собирается. Соответственно о восстановлении бывшего казачьего единоличного хозяйствования не может быть речи. Нынешние казаки, точно так же, как все российские не-казаки, работают в обычных современных учреждениях и на предприятиях. Казаками они становятся, когда по случаям одевают на себя черкески и папахи. Во-вторых, ныне никакой казачьей службы вообще (не говоря уж об обязательной пожизненной) не существует. Нет ни конных казачьих полков, ни пластунских батальонов. Некоторые из подавшихся в казаки в армии не служили и уж точно не знают, как оседлать лошадь и с какой стороны на нее взбираться. Из войсковой функциональности нынешние казаки оставили за собой только марширование по праздничным датам перед телекамерами в экзотической одежде. Их воинственный вид им нравится. Но не мешало бы подумать о большинстве земляков, которые смотрят на эти представления с саркастическими усмешками. Казачье шефство над некоторыми частями Российской Армии достаточно условно, не может иметь массового, серьезного государственного значения. Правда, казачьи

общины могут использоваться для нейтрализации на местах незаконных мигрантов, а в перспективе – возможных оппозиционных проявлений по усмотрению своих лидеров – атаманов. Как известно, на Кубани уже имели место расправы казаков с нерусскими студентами, порка плетьюми цыган. В-третьих, в казаки записалось неизмеримо меньше наших сограждан, чем было членов сословия до революции. По переписи населения России 2002 года определили свою национальность как казаки по всем районам страны всего 140 тысяч человек (*Казачество недовольно итогами переписи. Кто еще? // Российская газета. 2004. 31 марта.*). В-четвертых, царское казачье войско имело разветвленную военную организацию. Сегодня ее представляют один казачий генерал, несколько полковников, войсковых старшин и т. д., присвоивших себе старинные чины произвольно, равно как похожие на царские разные значки. В совокупности такие действия вызывают впечатление какого-то политизированного под ретро маскарада, игры в казаки для взрослых. Время от времени устраиваемые казачьи собрания в бывшем здании дома политпросвета крайкома КПСС давно воспринимаются кубанцами как весьма посредственные спектакли самодеятельного драмкружка при Государственном академическом казачьем хоре.

Спрашивается, зачем было вновь открытому Кубанскому кадетскому казачьему корпусу присваивать имя последнего наказного атамана на Кубани М. П. Бабыча, какая необходимость толкнула на установление мемориальной доски В. Г. Науменко? Оба этих генерала никакими особыми боевыми доблестями не отличались. Бабыч был одним из многих казачьих помещиков. Какой пример из его жизни могут взять себе за образец молодые кадеты-казаки? О Науменко сообщается, что он спас исторические регалии кубанцев. И ничего не говорится о его сотрудничестве с немецко-фашистскими захватчиками. В Российской государственной библиотеке сегодня любой желающий может просмотреть гитлеровский журнал «Казачьи ведомости». Его № 9/10 за март-апрель 1944 года открывает информация: «От Генерала добровольческих войск. Учреждено Главное управление казачьих войск. Главное управление казачьих войск является представительством перед Германским Командованием для защиты казачьих прав и состоит из следующих лиц: Генерал Краснов, начальник, Генерал Науменко, Полковник Павлов, Полковник Кулаков. 31 марта 1944 г. Кёстринг. Генерал от кавалерии» (*Казачьи ведомости. 1944. март-апр. № 9/10. С. 1.*).

В том же номере журнала на странице 31 читатель увидит фотографии, на которых запечатлены улыбающиеся боевые соратники. Они и подписи

под ними – красноречивые свидетельства. Вот эти подписи: «Единая семья. Слева направо: войсковой старшина Кононов, генерал Шкуро, генерал-майор Науменко, полковник фон Бозе и подполковник фон Шульц»; «Генерал-майор В. Науменко, полковник фон Бозе и войсковой старшина И. Кононов».

Для чего гитлеровского прислужника преподносить казачьим героем? Как известно, ряд членов единой семьи, в которую входил Науменко, были казнены – повешены по приговору советского трибунала. Недавно Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отклонила просьбу о реабилитации, то есть признала их предателями, сочла тот приговор справедливым. Науменко оказался или похитрее, или посчастливее своих коллег, избежал ареста. Если бы он был пойман советскими органами, то ему также вполне могло быть предъявлено государственное обвинение. И вновь вопросы: чему может научить казаков пример деятельности Науменко? Почему бы казачьему учебному заведению в Краснодаре не присвоить имя, например, кого-то из маршалов Советского Союза - С. М. Буденного, Г. К. Жукова или генералов Л. М. Доватора или Н. Я. Кириченко - славных полководцев? Или, если возродительская ненависть к советской истории непреодолима, почему бы учебному заведению не присвоить имя А. В. Суворова, М. И. Кутузова или М. Д. Скобелева, под командованием которых служили казаки? В любом случае это было бы гораздо оправданнее, чем воспитывать нынешних школьников-кадетов под покровом памяти о заурядном царском областном администраторе.

Названные жесты, что называется, шиты белыми нитками. Они явно рассчитаны на одобрение из-за океана. Стоит ли платить такую нравственную цену за то, что казачьи регалии поменяли место своего хранения в США на экспозицию в храме, вновь отстраиваемом в Краснодаре?

Между прочим, белые эмигранты, фактически стоявшие у истоков современного возрождения, не скрывали своей приверженности к монархизму. В этом убеждают публикации в эмигрантских изданиях. Так, «Кубанское казачество. Историко-литературный и иллюстрированный журнал» (Париж) в № 1 за 1931 год поместил статью «Войсковой праздник», в которой писалось: «Долгое, очень долгое время день Покрова был общеказачьим войсковым праздником для всей Кубани. Многовековая, тысячелетняя традиция эта была нарушена только в 1830-х годах. ...Для казачества было введено новое положение; тогда же император Николай I назначил Войсковым Атаманом всех казачьих войск

своего сына наследника цесаревича Александра Николаевича, и день его тезоименитства – день Св. Александра Невского – 30 августа был сделан Войсковым праздником казачьим, в том числе и на Кубани». А позднее «...день именин наследника Алексея (так в тексте. - *И. К.*), по старой же традиции, снова стал днем Войскового праздника, со всеми его торжествами... На эмиграцию мы вышли со старым Войсковым праздником 5 октября» (*Кубанское казачество. Историко-литературный и иллюстрированный журнал. Париж. 1931. № 1. С. 3.*). И в смене праздников отразился процесс перехода казачества от дословного состояния в войсковое сословие.

Ратушняк написал: Куценко «считает, что казаки были активными проводниками реакционной царской политики... в отличие от Щербина он во всем обвиняет казаков...» Обвинять - это из судейской практики (хотя, скажем прямо, на Северном Кавказе, как и в других местах, миссия войскового сословия далеко не является субэтнической). А перед Куценко стояла объективная научная задача: *выяснить социальный типаж дореволюционного казачества*, который дальновидно маскировал Ф. А. Щербина и который не хочет сегодня признавать Ратушняк. У нас было достаточно оснований, которые мы представляли в печати, чтобы заявить: «После ликвидации крепостного права, резкой перемены курса в сторону капиталистической перспективы казачье сословие осталось наиболее монархическим образованием. Почему? В то время, когда товарно-денежные отношения безжалостно сокрушали пережитки феодализма, не щадя даже помещичьей собственности и благополучия дворянства, казачье войско было единственной общенациональной структурой, благополучие и сама жизнь которой всецело продолжали базироваться на принципах векового прошлого, на монаршей воле. В пореформенное время казачество осталось реальным слепком столь милого для помещичьих кругов и правящей имперской элиты старинного нравственного комплекса, выросшего из сословно-дворянского понимания права землевладения за службу, феодального долга перед царем и представлявшими его инстанциями» (*Куценко И. Я. Кубанское казачество. Изд. 2-е, доп. Краснодар, 1993. С.258.*).

Вновь выявленные материалы позволили высказаться более определенно: «Самое яркое и значимое свидетельство... заключается в неопровержимом уточнении социальной сущности казачества конца XIX века. Оно являлось наиболее монархическим из всех имевшихся тогда в России общностей. Причем это качество носило подчеркнуто обслуживающий помещичье-буржуазный режим характер. Ибо весь существовавший общественный и политический строй, следовательно, все его казенные составляющие

являлись таковыми. Но больше не было ни одной другой организованной, устойчивой, массовой структуры, которая могла бы сравниться с казачьей по силе пронизывающего ее царистского духа и традиций, служебной ответственности перед самодержавием. Следует с полным основанием утверждать: казачье войсковое сословие в его официальном выражении стало воплощением и столпом монархизма. Его национальная принадлежность к русскому народу и особенности этнического самовыражения были общеизвестны. В тогдашней обыденной жизни, с точки зрения политических приоритетов, они, однако, имели вторичное, подчиненное официальной функциональности войска значение. В свое время В. И. Ленин отметил: положение слоев, из которых берется прислуга, соединяет «очень умеренную дозу народолюбия с очень высокой дозой послушания и отстаивания интересов барина» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 140.*). Социальный типаж лакея самодержавия как идеал казачьего служения навязывался станичникам арсеналом воспитательного воздействия, со временем был принят казачьей массой. Тут уместно оговориться: наверное, не всей, были казаки, которым претила такая предназначенность, что вполне возможно. Но мы имеем в виду официально сформулированное отношение монархического государства к войсковому сословию и реагирование на него сословия как такового. Отказываться от этой имевшей место реальности сегодня - значит идти против истины» (*Куценко И. Я. Александр III в Екатеринодаре. Фоторепортаж из XIX века. Краснодар, 2001. С. 34, 35.*).

Но является ли приведенное обобщение обвинением казаков? Разумеется, нет. Адресат, ответственный за сложившееся тогда положение, известен. Это государство царской самодержавности, итогом длительной, целенаправленной политики которого стали противопоставление казачества родному народу, превращение его в послушную царизму консервативную силу.

Совсем недавно на страницы периодики края вырвался, наконец, пример признания лакейской по отношению к самодержавию роли дореволюционного казачества. Речь идет о двух казаках из царского конвоя, оставшихся за рубежом при престарелой бывшей императрице Марии Федоровне, матери Николая II, прах которой решено перезахоронить в петербургском Петропавловском соборе. Обслуживавший ее казак Тимофей Ксенофонович Ящик в своих воспоминаниях написал: «Ведь самое заветное желание у казаков – служить любимому царю и быть вблизи его» (*Удальцова М. Лейб-казак императрицы Марии Федоровны // Родная Кубань. 2003. № 4. С. 131.*). К такой наиболее желательной для монархистов формуле сводился итог

всего исторического развития казачества в романовском царстве. Услышали бы подобное С. Разин, Е. Пугачев, К. Булавин, запорожцы! Свободолюбие, демократизм, представления о порядочности у казачества с лакейской ролью даже при самых высоких персонах самодержавия несовместимы. Подлинно народным предназначением казака была не участь заботливого о своих господах слуги, а защитника Родины, противника социального угнетения. Чтобы смыть с казаков позорную вековую скверну монархизма, потребовались очистительные грозы российских революций, тернистый жертвенный опыт гражданской борьбы.

Видимо, Ратушняк разделяет взгляды Т. К. Ящика. Во всяком случае, его явно задело мои слова о том, что казачьи офицеры «пили монархическую сивуху с упоением». Обидно за царя-батюшку!

Мы не отказываемся ни от одного из своих слов. Приведенное относится к цитированию полковника П. Н. Каменского из станицы Роговской – участника застолья в Петербурге в присутствии царя и его детей, которое было посвящено 100-летию императорского конвоя. В ответ на тосты за верных казаков «.. у каждого из нас в душе поднялось чувство бесконечной преданности обожаемому государю и готовности отдать жизнь за него» (*Куценко И. Я. Кубанское казачество... С. 119.*). Но, во-первых, считать высшим смыслом служения казаков личную охрану царя и «августейшего» семейства низменно. М. Ю. Лермонтов назвал придворную клику «жадною толпой стоящие у трона. Свободы, гения и славы палачи». Восемь десятилетий спустя после появления его стихов «На смерть поэта» придворная камарилья, пополненная казаками, стала не лучше, а намного хуже, так как в геометрической прогрессии углубились противоречия в империи, соответственно выросли паразитизм и аморализм властвовавших кругов. Во-вторых, заверения конвойцев оказались фальшивыми. Ни один лейб-офицер или казак вопреки верноподданническим чувствам из-за царя с жизнью не расстался. В трудные для Романовых дни бежал за границу командир конвоя, немец Г. Г. фон Габбе, входивший в ближайшее окружение царя, щеголявший в кубанской черкеске. Никто из блистательных офицеров, таких красивых, бравых и с виду очень грозных, в полной мере пользовавшихся преимуществами приятной, щедро оплачивавшейся казной жизни при дворе, всякий раз уверявших царя в преданности ему до последнего вздоха, не ударил, как говорится, палец о палец, чтобы как-то обезопасить семью «сюзерена», например, проявить инициативу – организовать диверсионную группу для ее спасения где-нибудь на перегонах Питер – Москва или Тобольск – Екатеринбург. Революционная-то охрана тогда

ничего серьезного собой не представляла. Вот был бы сюжетец для сегодняшнего телебоевика сериала «Падение империи»! Вспомним вымысел А. Дюма о благородной попытке четырех мушкетеров вызволить из неволи несчастного Карла I Стюарта. Но приспособленец-карьерист – подлая должность. Он всегда трус. Пестовавшийся более сотни лет казачий конвой на деле оказался не более чем придворным маскарадным приложением, хорошим только в праздники. «Обожавшие» императора офицеры попросту сразу смирились с его арестом, то есть фактически сдали его большевикам. Таким оказался позорный финал казачьего монархизма. Благополучно пережил расстрел своего подопечного, его семьи и эмигрировал также весь прочий состав конвоя, который за границей долго демонстрировал запечатленные на фотографиях для потомства строевые артикулы с обнаженными шашками и без них, превратив окончательно солдатское умение в цирковой балаган. Накануне революции монархическая идея, карьеристские расчеты ее заявителей и защитников были лживым нравственным суррогатом, подлинной духовной сивухой. Никакого почтения к царизму, результатам осуществления его власти для народа и сегодня быть не может. В оценках самодержавия мы предпочитаем оставаться не с Ящиком и Ратушняком, а с Пушкиным и Лермонтовым.

Сегодняшняя резко отрицательная к советскому времени, нагнетаемая СМИ струя в общественном сознании закономерна. Ее иницируют победившие «новые» классовые силы в интересах оправдания государственного переворота в России начала 90-х годов, сохранения установившегося в его результате режима. В историографии возникшая вдруг антисоветская направленность имеет свою специфику. На наш взгляд, она заключается в том, что в сфере исторического интерпретирования многие авторы повернули на 180° в своих оценках проблем, всего лишь изменив симпатии и эмоциональности. Гораздо более редкими являются случаи, когда историки ранее тщательно скрывали свои антисоветизм и антикоммунизм и только теперь, наконец, получили возможность выразить это открыто. В публикуемых материалах акцент стал делаться на сенсации с изобличением свергнутой системы, партийных лидеров, показ патриотизма царской и белой армий и т. д. Но широкой источниковой базы для новых выводов принципиального порядка не создано. В большинстве случаев пересказывается давно известное, введенное в научный оборот при Советской власти, только со знаком минуса. Такое пере-изображение всегда сложно. Оно, как любое

фальсифицирование на первых порах, обычно носит особо заметный налет предвзятости, необидительности. Воинственно же разоблачительская тональность только усиливает комичность некоторых доводов. Нам приходилось отмечать: «.. Хотя бы приближенная к бывшим реальностям картина может быть получена, только если всматриваться в нее повнимательнее, привлекая дополнительные сведения. В постсоветское время многие авторы, руководствуясь, казалось бы, новаторским стремлением отбросить тенденциозность парткоммунистической заостренности, дать нейтральное прочтение минувшего, оказались не в состоянии представить новое качество исторической аналитики, на деле ограничивают количество привлекаемых к исследованию фактов, приводя лишь некоторые из них. Ущербность такой позиции очевидна. В результате предпринимаемые в пику апологетике Советской власти усилия, даже с искренними демократическими помыслами, выливаются в благостную политизированную идиллию, защиту власти дореволюционной, пострадавшей. В лучшем случае, как говорят философы, в переживание *deja vu* – неправильное воспроизведение в памяти некогда пережитого» (Куценко И. Я. *Александр III в Екатеринодаре... С. 34.*). Обычно же нынешний антисоветизм осознанно преднамерен.

Из огромного потока современной исторической продукции приведем только пару примеров.

Особенно много фальсификаций истории 2-й мировой войны. Газета «Аргументы и факты» опубликовала интервью А. Н. Яковлева, заслуженного ветерана Великой Отечественной войны, бывшего члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС, одного из главных архитекторов перестройки. Материал назван «Войну надо очистить от вранья». Он сообщает, что цифра наших потерь убитыми значительно занижена: «...на самом деле - более 30 млн. Это горькая правда Победы. Германское командование назвало цифру пленных с советской стороны – 5 270 000 человек. Точных наших данных нет до сих пор. За время войны только военными трибуналами было осуждено 994 000 советских военнослужащих, из них свыше 15 700 приговорены к расстрелу, то есть практически пятнадцать дивизий были уничтожены сталинской властью» (Сворцевич В. *Войну надо очистить от вранья // Аргументы и факты. 2005. № 8. С. 3.*). А. Н. Яковлев сказал: «И каких-либо похвал Сталину вы от меня не дождетесь. Пусть люди что хотят, то и говорят. Это же надо, не уставая, лично подписать 366 списков на расстрел 44 440 человек во время репрессий 1937-1938 гг.! Это же документ. И я хочу сказать людям, которые сейчас на митингах и разных сборищах таскают портреты

Сталина: это вы держитесь не за древко, а за кость... ноги расстрелянного Сталиным человека» *(Там же.)*.

Яковлев, пожалуй, самый радикальный критик советской системы. Он и раньше заявлял: «...Господин Ульянов, больше известный широкой публике под фамилией Ленин, и господин Джугашвили, больше известный широкой публике под фамилией Сталин, создали в России по существу фашистское государство. Это большевики первыми создали концлагеря для инакомыслящих. Потом их опыт повторил Гитлер. Это Ленин ввел в систему заложничество. Это Ленин впервые написал, что надо расстрелять каждого десятого. Это Ленин, когда оборонялись против Юденича, приказал впереди поставить «буржуев и обывателей», которые своими телами прикрыли бы Красную Армию... Для маскировки фашистского существа режима мы говорили об интернационализме, о дружбе народов, уничтожали гитлеризм, когда он стал смертельной угрозой для нашего государства» *(Яковлев А. Н. Все эти сталины, гитлеры — одна порода // Российская газета. 2001. 20 июня.)*.

К счастью, приведенное осталось личным мнением Яковлева. Насколько нам известно, ни один серьезный ученый на его вывод не опирается.

А вот другое мнение: «В честь великого Сталина 18 декабря в Москве, в ДК «Красный Октябрь», МГК КПРФ проводит торжественный вечер, посвященный 125-й годовщине со дня рождения И. В. Сталина... 21 декабря состоится возложение цветов к могиле И. В. Сталина у Кремлевской стены. Сбор участников в 11.00 у памятника Г. К. Жукову» *(Завтра. Газета Государства Российского. 2004. № 51. С. 1.)*. Куда податься желающему разобраться в проблеме? Расстреливать политических противников, а тем более невинных аморально. Кровавые злодеяния Сталина забыть, а тем более простить невозможно. Но яковлевская позиция чревата другим враньем: ведь Сталин был Верховным Главнокомандующим сражавшейся страны, Победа одержана под его руководством, в том числе А. Н. Яковлевым, солдатом Красной Армии. Вина за террор не вычеркнет имя Сталина из истории и, в частности, из борьбы с фашизмом. Справедливости ради следует подчеркнуть: только при Сталине наша Родина достигла самого высокого уровня могущества и международного авторитета за всю свою историю, повторить которые в обозримом будущем вряд ли удастся.

Широко известна высокая оценка Сталина У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом, советскими полководцами, в том числе в свое время подвергшимися репрессиям. На наш взгляд, полезно прислушаться к характеристике

Сталина, которую дал маршал Г. К. Жуков: уже в начале 30-х годов Сталин «стал полным диктатором». Послушное ему окружение принимало к исполнению все его указания, «прославляя его имя как величайшего вождя, нередко опуская при этом имя В. И. Ленина. Так было положено начало культу личности, принявшему в последующие годы чудовищные размеры. Так был создан идол и быстро начали плодиться идолопоклонники... Особенно тяжкая пора наступила для партии и народа в 1937-1939 годах, когда из-за навеянного страха и отсутствия в Политбюро ЦК партийной чуткости по вине Сталина были загублены многие тысячи виднейших работников партии, Вооруженных Сил - преданных патриотов Родины и талантливых руководителей страны. Конечно, Сталину нельзя простить то, что по его указаниям были загублены многие тысячи ни в чем не повинных людей, искалечена жизнь их детей и членов семей. Но будет неправильным обвинять только одного Сталина. Вместе с ним, разумеется, должны отвечать и другие члены тогдашнего Политбюро, которые были в курсе всей антипартийной вакханалии, особенно творимой органами НКВД во всех уголках нашей страны. На июньском Пленуме ЦК 1957 года, когда обсуждалась деятельность группы Молотова, Кагановича, Маленкова и других, мною была оглашена часть списков, представленных Сталину Ежовым и другими работниками НКВД. Включенные в списки лица были без суда утверждены к расстрелу Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем... Под конец войны, точнее после битвы на Курской дуге, Сталин в целом неплохо разбирался в военных вопросах. Однако здесь я должен подчеркнуть то, что Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место...» (Жуков Г. К. *Коротко о Сталине // Правда. 1989. 20 янв.*).

Так что сегодня выносящие не от хорошей жизни портреты Сталина на протестные митинги, знающие о старом советском терроре и его вовсе не оправдывающие держат не яковлевскую кость расстрелянного человека, а древко Знамени Победы над гитлеровской Германией.

Еще пример из другой области, замеченный Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой: «Вот статья Н. Козловой, ст. н. с. Института философии АН СССР, в престижном академическом издании «Общественные науки и современность» (1991, № 2). Она попала на глаза случайно, но таких статей тьма, и эта вполне представительна. В ней в целом отвергается все культурное строительство в СССР, советский тип образования и, в общем, тип советского образованного человека. Автор проводит, как он выражается, «культурно-антропологический анализ». Исходный тезис

такой: «в 20-е годы культурный уровень общества в целом существенно снизился».

Статья содержит местами верные наблюдения и переполнена злобой – к чему? К тем, кого Советская власть ввела в круг универсальной культуры: «Ветер революции вымел на поверхность исторической жизни множество людей, живущих в мире связей личностного типа, характерных для традиционных доиндустриальных обществ. Это люди безъязыкие, молчащие от дурости и угнетения... О какой науке они мечтали - сказать трудно». Далее следует издевательский анекдот, мол, «страна мечтателей, страна героев». То ли дело на Западе, где все делалось правильно. И опять верные наблюдения вперемешку со злобой: «В результате оказалась освобожденной архетипическая фантазия низов, которая выплеснулась из цивилизационных рамок и разлилась по поверхности общества... Открылись десятки университетов, появились новые тысячи научных работников. Организация образования для тех слоев, которые были отчуждены от культуры, стала способом достижения всеобщего равенства... Новых, «красных», студентов отличал удивительно низкий уровень грамотности, результатом же стала деградация университетов...» За всем этим – ностальгия по мифической царской России с высоким культурным сообществом: «Вхождение в это сообщество требовало длительного систематического труда. Кроме того, существовал и действовал закон **о кухаркиных детях**». Странно еще, что советская философия не сожалеет о телесных наказаниях – ведь наверняка считает себя демократкой. Философский пафос этого антисоветизма, на мой взгляд, заключается в отрицании народной культуры в пользу культуры сословной для какого-то привилегированного меньшинства... Мне, например, кажется дикой сама идея, будто ликвидация неграмотности почти сотни миллионов человек совместима с формулой «общее снижение культурного уровня» ...Козловой интересно лишь то, что происходит в тонком слое элиты, а 85 % населения, крестьяне, для нее как будто вообще не существуют. Как не существует и миллионов жителей Азии» (*Кара-Мурза С. «Совок» вспоминает... Тропы практического разума. М., 2002. С. 12,13.*).

К мнению С. Кара-Мурзы добавим: достойный ответ козловым из 1923 года дает, например, ректор Кубанского медицинского института, крупный патологоанатом, автор способа сохранения тела В. И. Ленина, профессор Н. Ф. Мельников-Разведенков. В своем интервью он заявил: «.. Пролетарское студенчество прежде всего прямо поражает своей горячей жаждой серьезных и глубоких знаний. Все мы знаем трудные материальные условия нашего студенчества. И, несмотря на них,

наперекор им оно с боевой энергией усваивает научные дисциплины. В этом отношении новое студенчество, несмотря на некоторые, вполне понятные в наших условиях проблемы общей подготовки, тем не менее стоит гораздо выше старого материально обеспеченного буржуазного студенчества. Затем отмечает новое студенчество тот трудовой коллективизм и твердую товарищескую самодисциплину, которая объединяет его в одну тесную трудовую семью» (*Красное знамя. Орган Кубано-Черноморского обкома РКП(б). 1923. 9 окт.*).

Новая массовая интеллигенция из рабочих и крестьян, конечно, отличалась от аристократически-буржуазной. Она не была начитана, как та, не обучалась с детства иностранным языкам, благородным манерам и бальным танцам. Но именно эта, коммунистическая, интеллигенция, сотрудничая с частью старой, перешедшей на сторону революции, успешно обеспечила осуществление невиданного в истории свершения - превращение в кратчайшие сроки СССР в могучую индустриально-аграрную державу, вынесла на своих плечах неимоверно тяжелую, смертельную схватку с фашизмом, а затем совершила подвиг восстановления разрушенной страны.

Признаемся: пример из книги С. Кара-Мурзы нами приведен преднамеренно. Дело в том, что в 2004 году в разговоре с историками Ратушняк с нотками ностальгических воспоминаний о монархическом прошлом высказал очередное «новое» умонастроение: по его словам, ликвидации неграмотности в России способствовала царская армия. Призываемые на службу неграмотные обучались в ней и таким образом повышали культурный уровень общества. Такое заявление может быть только итогом специального изучения. И армия, и производство (потребность в грамотных низовых работниках) каким-то образом стимулировали обучение части народа. Но это общее предположительное замечание. А историческая конкретика нуждается в документальной аргументации. В библиотеке Краснодарского госархива хранится тоненькая книжечка «Отчет о заграничной поездке для изучения постановки школьного дела в Германии учительницы 3-го женского училища В. Н. Чуевой 27 мая - 3 июля 1910 г.» (Екатеринодар, 1910). На ее 42-й странице читаем о предложении продлить срок обучения в одноклассных школах (тип наиболее массовой школы для простонародья в России), так как «при трехгодичном курсе у детей не могут прочно укрепиться приобретенные навыки, вследствие чего большинство окончивших начальную школу через несколько лет обнаруживают рецидив безграмотности. Во время наборов в армию это было отмечено во всех местах России».

Неграмотность - лишь одна из характеристик ужасающего состояния народных масс до революции, прозябавших в грязи не только бескультурья, но и дикости, суеверий, антисанитарии, социальных болезней. Так, накануне 1917 года оставались неграмотными свыше 40 % кубанских казаков. Постоянная военная служба, пожизненная связь с ней поголовно грамотными их не сделали. Неграмотность сопровождалась тяжкими социальными недугами. Последний предреволюционный отчет наказного атамана о положении на Кубани, например, сообщал: в 1915 году в области родилось 135 074 младенца, из них умерло 85 278, более 63 процентов новорожденных! По числу больных на первом месте был сифилис - 10 314 человек. Врачей на население почти в 3,2 миллиона имелось всего 214 (*Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С. 117, 136, Приложение, Ведомость 3.*). И это в одном из самых благополучных по материальному положению регионов страны. Для сравнения: в 1941 году в Краснодарском крае работало 2463 врача. Если в 1915-м 11 войсковых больниц и 27 приемных покоев могли принять только 890 больных, а 1744 казакам было «отказано в приеме в больницы и войсковые приемные покои за неимением свободных мест» (*Там же. С. 105.*), то уже накануне Великой Отечественной войны, то есть через четверть века, край имел больницы на 13,2 тысячи человек, отказов нуждающимся в медицинской помощи просто не могло быть. К 1977 году Краснодарский край располагал числом больничных коек на 50,9 тысячи человек, в нем трудились 32,9 тысячи врачей, было 469 женских консультаций и детских клиник (*Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Статистический ежегодник. М., 1977. С. 278, 282, 286.*), о которых до революции ничего не слышали. Помощь женщинам-роженицам тогда оказывали 106 повивальных бабок, которые официально числились на службе в войске (*Отчет начальника Кубанской области... С. 117.*). Это при наличии на Кубани более двухсот густонаселенных станиц.

В давней России народ удерживался в состоянии дикости в значительной мере потому, что так диктовала логика угнетения. Кажется, Э. А. Баллеру принадлежит афоризм, который можно распространить на положение в Российской империи. Господствующие классы рассуждали примерно так: если моя лошадь будет знать столько же, сколько знаю я, то как я буду на ней ездить?

Историческая задача ликвидации неграмотности в нашей стране могла быть решена только социалистическим обществом. Царская армия на роль фактора культурного порядка явно не тянет. С первых шагов обучения грамоте оно имело подчеркнуто освободительный от старого мира

богоспасаемой монархии характер. В самом первом советском букваре обучающиеся грамоте по слогам повторяли великое прозрение: «Мы не рабы. Рабы – не мы!» Учить читать и писать приходилось одновременно с воспитанием у всего народа, прежде всего у его нижних, ранее беспощадно эксплуатируемых слоев привычек умываться с мылом, пользоваться зубной щеткой, не давать младенцам разжеванный матерями хлебный мякиш, завернутый в ситцевую тряпочку, иметь индивидуальное полотенце, следить за чистотой ногтей, есть не из одной миски. На это потребовались огромные, ныне забытые усилия. Так, население кубанских станиц стало впервые приобретать первые десятки зубных щеток и зубной порошок только к середине 30-х годов, что зафиксировано официальной отчетностью. Социализм был результатом не коварных происков Сталина, а итогом вдохновенного труда и борьбы миллионов. Построить новое общество неграмотный, темный, суеверный народ не мог, как не смог бы такой народ противостоять агрессии фашизма. Буржуазно-помещичьему же режиму отсталость народных масс больших помех не представляла. Верхи давно и привычно чувствовали себя очень комфортно на своих экономических и интеллектуальных высотах в океане народной нищеты и порожденного ею бескультурья. Сегодня тема о былых бедствиях масс не поднимается. Более того, распространяется бессовестная ложь о простодушных, веселых по праздникам мужичках, добреньких помещиках, предпринимателях-меценатах, кротком царе-батюшке, набожных казаках. Эту сусальную, навязываемую неправду опровергают многочисленные достоверные свидетельства, представленные именами А. А. Блока, И. А. Бунина, В. Г. Короленко, А. И. Куприна, Л. Н. Толстого, И. Е. Репина, А. П. Чехова и многих других.

Таким образом, наши расхождения с Ратушняком и некоторыми преподавателями КубГУ касаются не только понимания сущности предреволюционного казачества. Их истоки гораздо глубже. Они – в самой общей, исходной оценке отечественной истории: царизма и его политики. Свое отношение к самодержавной государственности нами высказано определенно. У наших оппонентов оно иное. Группа Ратушняка выдвинула собственную, новую, как ей кажется, повествовательную схему. На самом деле она эпигонски повторяет содержательность дореволюционных монархических учебников по истории или книги Нечволодова «Сказание о русской земле», рассылавшейся на места царским министром народного просвещения Л. А. Кассо, известным крайне реакционными взглядами. В наиболее нам известном варианте домыслы кубанской разновидности вклада в современную фальсификацию истории озвучены более десяти лет назад на конференции, посвященной 130-летию окончания Кавказской войны, в

коллективном докладе А. М. Авраменко, О. В. Матвеева, П. П. Матющенко, В. Н. Ратушняка. Мне пришлось вести с ними споры в 1993-1994 годах на страницах газет «Кубанские новости» (Краснодар), «Шапсугия» (Сочи), «Нарт» (Нальчик). Однако Ратушняк и другие продолжают развивать свою линию.

Спор может быть продуктивным лишь в том случае, когда стороны в состоянии слышать и понимать друг друга. Попытаемся разобраться с указанной позицией пообстоятельнее, отдавая себе отчет в том, что она играет заметную роль в формировании исторических взглядов большого числа специалистов-гуманитариев. Ведь именно в сфере исторического образования формируется специалист, которому в профессиональной деятельности предстоит учить новые поколения тому, как вникать в вечные российские вопросы: кто виноват? и что делать? - и отвечать на них.

Центральный, так сказать, гносеологический момент точки зрения университетских ученых ясен. Российские перестроечные реформы продиктовали необходимость принципиальных перемен в ориентациях всего фронта объяснений минувшего. Ведь нужно обосновать правомерность и целесообразность происходящих перемен. Историки дружно перешли от обслуживания КПСС и Советской власти на службу «демократическому» режиму. Правда, с разной степенью подобострастия и энтузиазма: от давно на Руси известной формулы «чего изволите?» до сдержанного одобрения реанимированных принципов старины. Неутрачивающие разоблачения советского времени – одно из главных, продолжаемых направлений. Господство КПСС лишается какого-либо позитивного смысла. Даже из истории Великой Отечественной войны полностью выхолащивается руководящая роль сталинской большевистской партии. Взамен нагнетается показ будто бы имевшего место значения церкви в войне, что будто бы может способствовать умиротворению в нашем обществе задним числом. То есть налицо грубейшая, как говорится, притянутая за уши фальсификация.

Другая грань извращения исторического знания связана с попытками формирования новой позитивности, иным, чем было совсем недавно, объяснением и прошлого, и вытекающего из него взгляда на социальную перспективу.

Причем последнее поддается нетрудному определению: оно опирается на общеизвестный ход эволюции мировой истории и популярные демократические лозунги, что пока весьма туманно, как будущее вообще.

А вот пройденные пути нуждаются в несравнимо более убедительном освоении: уж очень много трагического оказалось на их этапах.

Сегодня нередко примитивный идеологический прием применяется в СМИ: о советском времени говорится вскользь (о его лидерах - с критическим высокомерием) или так, что его как бы не было, с явным расчетом на то, что его следует как можно быстрее забыть. И налаживается мостик прямого продолжения российской истории дореволюционной новейшим, перестроечным, этапом. Социалистический же период, как историческую ошибку, нежелательный или случайный промежуток, лучше не вспоминать.

Но в отличие от СМИ историк не может игнорировать советскую полосу жизни общества. И тут встает непростой вопрос: как именно, в деталях, объяснять историю России XX века, как преодолевать разрыв, образованный временем революционной борьбы, существования Советской власти, доказывать его незаконность, как вопреки ему и помимо его соединить с началом прошлого столетия современную обкорнанную реформами посткоммунистическую страну с новым витком некапиталистического существования, создав ему рекламу лучшего, чем советский, периода? То, что оснований для расхваливания возвращения в рыночные пенаты пока нет, перестройщиков не смущает. Так же, как и то, что случайных, никчемных периодов в обществе и странах не бывает. Советское государство было детерминировано исторически объективно и прошло суровую апробацию испытаниями на жизнеспособность.

Каждый историк не может не задумываться над тем, как представлять героику деяний Петра I, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, подвиги крейсера «Варяг», защитников Порт-Артура, солдат Брусиловского прорыва 1915 года с героикой Московского восстания 1905 года, восстания 2-го Урупского казачьего полка, залпа крейсера «Аврора», мужества Красной Армии, «железного потока» Таманской армии, первой конной С.М. Буденного, штурма Перекопа, беззаветного труда героев советских пятилеток, всенародный порыв защитников СССР в годы Великой Отечественной войны на едином полотне истории страны. Да еще подвести все это многообразие под общий знаменатель – признание нынешнего этапа существования России логичным и, конечно, лучшим продолжением ее многовековой истории. Последнее может быть по-настоящему убедительным лишь при наличии главного аргумента - существенного улучшения жизни народа, возрастания возможностей государства, роста его авторитета. Демократический переворот получил несравнимо более весомое и значимое материально-техническое и

культурно-образовательное наследие, чем большевики в 1917-1920 годах. Общество вправе ожидать, что нынешний «атакующий класс» - предприниматели-бизнесмены - обязан принести ему гораздо больше и быстрее, чем смогли сделать коммунисты. Если же этого не произойдет, то чего стоят ельцинско-путинские реформы, которые нас призывают углублять? На наш взгляд, одна из основных причин современного кризиса исторической науки как раз состоит в известном социальном регрессе, к сожалению, ставшем итогом произошедших в России перемен. Здесь зависимость прямая: чем хуже положение в стране, обществе, тем громче, истошнее обличения врагов установившегося режима, тем откровеннее извращения прошлого. Но реальную ситуацию не преодолеть даже самым мощным зарядом критического словоизвержения в адрес минувших десятилетий, аморализма их жертв. Пришло время показать на деле: было хуже, чем сегодня, стало лучше. Сбудется ли это?

Пока же, очевидно, историография не должна игнорировать центральные, классические точки своей опоры: сущность преобладающих и сопутствующих им экономических отношений в обществе на каждом этапе развития страны; положение масс, их материальный, правовой, культурный уровень, их реагирование на действия правящих верхов; содержательность конкретных российских государственных институтов, функционирование их ветвей и институтов. Эти характеристики по-своему проявляются, например, в психологии, представлениях и всего общества, и его отдельных деятелей. В музее А. В. Суворова в Санкт-Петербурге по сей день среди личных вещей великого полководца демонстрируется томик «Соборного уложения» царя Алексея Михайловича в темно-красном переплете. Надпись под экспонатом гласит, что один из самых привлекательных героев нашей истории брал с собой эту книгу во все походы. Зачем ему потребовался кодекс русского крепостничества? Чтобы лучше ориентироваться при управлении солдатами из крепостных крестьян?

Для нашей темы, конечно, определяющими являются трансформации в политической области, которые лежали в основе разных сторон социальных процессов. А особенность личностного манипулирования в любой политизированной сфере состоит в том, что оно повышено субъективно, напрямую зависит от общекультурного, нравственного, профессионального интеллекта исследователя, способности и умения проникнуть в глубины объясняемого, увидеть его ведущие противоречия и пути их разрешения. То есть нужно иметь в виду индивидуальные качества. Они могут таиться не только в тонкостях политического настроения и переживаний, а совсем в другом – в банальном, хорошо

известном недостатке тоже субъективного плана: некоторые кубанские ученые плохо учились в советской высшей школе, не усвоили лучшую содержательность ее учебных дисциплин. Да, они были пронизаны парткоммунистичностью, но имелось в них и нечто другое, а именно - серьезность отношения к науке, чего нам так недостает сегодня.

* * *

Какие же конкретные историографические установки наших оппонентов наносят наибольший ущерб историческому знанию? Вернемся к изложению доклада вышеуказанных авторов «Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма». Рассмотрим, насколько научны некоторые из этих самых позиций. Казалось бы, возвращаться к работе более чем десятилетней давности нецелесообразно. Но мы считаем: «Политические и политико-экономические школы четче всего видятся в первых сочинениях их основателей... У философов, экономистов, историков, долго пишущих в однажды избранном теоретическом ключе... многие существенные детали в последующих работах нередко опускаются как уже звучавшие, само собой разумеющиеся или утратившие злободневность» (*Куценко И. Я. В. Ленин и Ф. А. Щербина: итоги полемики // Труды КубГТУ. Т. 6. Серия Гуманитарные науки. Вып. 1. Краснодар, 1999. С. 6.*). Так что наиболее полезно учитывать раннее произведение наших авторов, к тому же имеющее концептуальный характер: ведь они выступали на крупной конференции коллективно, то есть, продумав свою позицию. Больше подобных совместных выступлений у них не было.

Начнем с частной, не очень существенной самой по себе, но значимой для наших наблюдений детали - характеристики группой Ратушняка К. Маркса. Эта оценка высокомерно отрешенная, по сомнительному принципу: нынешние всегда умнее. Для них Маркс - «личность неординарная и для своего времени крупный исследователь, что отмечают многие энциклопедии мира... но... К. Маркс и Ф. Энгельс никогда не были в России и на Кавказе» (*Авраменко А. М., Матвеев О. В., Мапющенко П. П., Ратушняк В. Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 34.*), в связи с чем их выводы о Кавказской войне несостоятельны.

Приведенный взгляд, несомненно, продиктован тем, чтобы не только, не дай Бог, не вызвать к себе подозрения в симпатиях к автору «Манифеста Коммунистической партии», «Капитала» и «Критики Готской

программы», но как раз показать, как следует развенчивать недавние авторитеты.

Неординарной можно назвать любую сколько-нибудь заметную личность, например профессора Ратушняка. Маркс же был гениальным мыслителем, оказавшим колоссальное влияние на все основные социальные науки, что отлично известно и без многих энциклопедий. Он – титаническая фигура не только для своей, но и для нашей, и грядущих эпох. Чтобы увидеть главное в происходивших мировых процессах, ему совсем не обязательно было приезжать на Кавказ. Так же, как сегодня далеко не все обозреватели ездят, например, в США, о которых высказывают свои мнения. Надо полагать, что кругозор Маркса был, по меньшей мере, никак не ниже, чем у Ратушняка и его коллег. Они давно живут в Краснодаре, но преимуществ по сравнению с Марксом это им не дало, что явственно видно по их суждениям.

Прямых высказываний о российской императорской государственности у Ратушняка нет. Отношение к ней проступает в оправдании политики самодержавия в завоевании новых территорий и народов: «.. .Большинство южных и восточных окраин России не были колониями в том смысле, которым наполнил это древнее понятие промышленный капитализм XIX в. Расширение империи больше преследовало политические, нежели экономические цели, ибо Россия представляла собой, скорее, империю феодально-патриархального типа, скрепленную отнюдь не экономическими интересами и выгодами. Решающую роль здесь играли соображения военно-геополитические: сюзерен, каковым выступал российский государь-император, расширял подвластную себе территорию, наращивал могущество государства, увеличивая его безопасность и военно-геополитический вес. Вассалы, т. е. добровольно вошедшие или подчиненные народы, получали гарантии военной защиты и немалые льготы для высших сословий. Россия проводила на своих окраинах не национальную, а социальную ассимиляцию, включая в свою правящую элиту представителей местной феодальной знати. Да и русский народ не был «народом-господином», ибо он нес бремя крепостного права и основной груз воинской повинности, обеспечивая безопасность всех вошедших в империю народов» (*Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратушняк В. Н. Указ. соч. С. 28.*). Удивительно совпадение логики и даже построения фраз у «отца» фальсификации кубанской казачьей истории Ф. А. Щербины и у его подражателей. Пытаясь отрицать капиталистические реальности конца XIX в., Щербина писал: «Хозяев-казаков, с их своеобразною общиной, нельзя приравнять к западно-европейским хозяевам – капиталистам и буржуа. Казак - мелкий

производитель, строящий организацию своего хозяйства главным образом на личном и семейном труде. Точно так же и вольнонаемных рабочих на Кубани нельзя назвать рабочими в смысле западно-европейском. Это - не бездомный пролетариат, прикрепленный к известному производству узами капитала. Это - тоже хозяева, хотя и крошечных, бедных, расстроенных, но своих хозяйств» (*Щербина Ф.А. Рабочие на Кубани // Дело. 1884. № 4. Ч. 2. С36.*). Щербина за самодовлеющее качество, отличающее от капитализма, принимал неразвитость товарных отношений. Но его заявление все же строилось на истолковании фактического материала. Кроме того, нам приходилось отмечать: «Субъективистские воззрения не приходят случайно... Они выражают точку зрения определенных сил. Так, перед мысленным взором Щербины с детства были картины станичного хозяйствования, строившегося в обрамлении родного говора, соседских взаимоотношений, патриархальных бытовых традиций, мудрости вековой крестьянской сноровки. Казалось, они и составляют ведущий, народный стержень сельского бытия и не могли меняться под влиянием новых условий. Даже таких, как быстро распространившееся всевластие денег... Многих интеллектуалов не убеждало, что оно знаменует некое коренное видоизменение, потому что вторгшиеся в жизнь новые отношения не отменили старого сельского уклада бытования, а стали расти в его недрах, облекаясь в его внешние формы и региональную окраску. «Отслоить» одно от другого, увидеть ведущую тенденцию было не всегда просто» (*Куценко И. Я. В. И. Ленин и Ф. А. Щербина... С. 17.*).

В отличие от Щербины у Ратушняка и других новых фактов нет, так как их нет в природе. Кроме того, им известен большой исторический опыт XX века, который Щербина не знал, и который они игнорируют. Их заявление о сущности завоевательной политики царизма - полностью самостоятельное толкование.

Приведенное - образчик воплощения стремления к решительной перестройке историографических начал (должны же они сопутствовать перестройке в других областях жизни): «...Пора отбросить советское идеологическое клише, согласно которому все, что выходило из-под пера дореволюционных историков и не вписывалось в прокрустово ложе марксистско-ленинских стереотипов, оценивалось нигилистически. Если смотреть правде в глаза, то дореволюционные историки были более свободны в выражении своих суждений, нежели советские. Поэтому давно пора отказаться от ярлыков типа «цепные псы самодержавия», «царские борзописцы» и т. п., которыми до сих пор грешат некоторые историки».

Кто же эти некоторые? У кого Ратушняк и другие нашли приведенные (думается, ими самими придуманные) эпитеты?

Во-вторых, советские историки отвергали далеко не все из дореволюционного наследия. Жаль, что наши оппоненты об этом не знают. В-третьих, утверждение о большей, чем у советских историков, свободе у дореволюционных весьма сомнительно. Над последними всегда довлел пресс монархических и церковных ограничений. Разве могли позволить себе дореволюционные авторы критично разобраться с институтом самодержавной власти, сословным устройством империи, ее социальными противоречиями, помещичьим правом на землю, лихоимством чиновничества и т. д.? Приведем лишь один пример. В 1905 году в Москве вышла книга известного русского историка и педагога М. Н. Коваленского «Из истории государственной власти в России», выпущенная издательством Е. Д. Мягкова. Как и в других книгах Михаила Николаевича, в ней изобличались язвы самодержавия. Он писал: «Бунт Разина был подавлен военной силой, подавлен со страшной жестокостью; дворянское правительство тишайшего царя Алексея, производя усмирение, жгло села и деревни, умерщвляло жителей без разбора, обращало их в рабство. Кроме казненных, потом по суду погибло без суда до ста тысяч. Пленников казнили без суда; воевода князь Барятинский повесил и четвертовал 600 пленных, так же поступили со своими пленниками Щербатов и Леонтьев. Князь Долгорукий повесил попа и сжег ведьму. Патриарх... торжественно предал Стеньку анафеме». Коваленский процитировал А. Н. Радищева: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». В заключение приводились малоизвестные факты: «Бюрократия вернула себе с Крымской войны большую часть прежних позиций и стоит опять накануне крушения; Японская война, как полвека назад Крымская, еще раз подвела итоги. Бюрократия осуждена и обществом и народом, но боевая... энергия ее не покидает, и она снова борется и не хочет уступать. И это понятно: ей есть за что бороться. Стоит только обратить внимание, что приносит высшим чинам русской бюрократии государственная служба. Из 3780 штатских генералов (действительных тайных, тайных и действительных статских советников) 100 действительных получают в год 1,5 миллиона жалованья, а 548 просто тайных - свыше 4 миллионов. Содержание высших учреждений империи за десять лет (с 1890-го по 1900 год) выросло почти в полтора раза. В руках только одних тайных и действительных тайных советников (всего 648 человек) находится с лишком три миллиона десятин земли, в среднем по 4,5 тысячи десятин земли на каждого...» (Коваленский М. *Из истории государственной власти в России*. М., 1905. С. 73, 83, 112.).

Какая возможность выступить с подобными обличениями! Равных по силе нет даже в публицистике Ленина! Издательство Е. Д. Мягкова с очень символическим названием «Колокол», повторившим название газеты А. И. Герцена, печатало даже отдельные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бабеля, Ж. Гэда, К. Каутского, В. Либкнехта, А. Луначарского. Но ... Обратим внимание на немаловажную деталь. Названная книга Коваленского была разрешена цензурой 5 ноября 1905 года, о чем на ней стоит отметка, то есть в период высшего натиска первой российской революции: 6 августа 1905 года последовал царский манифест «Об учреждении Государственной Думы» (булыгинской); 17 октября Николай II подписал манифест о даровании народу гражданской свободы, неприкосновенности личности, свободы совести, собраний и союзов; а через месяц вспыхнуло Московское вооруженное восстание. Право крамольных публикаций было вырвано у самодержавия волной народного возмущения. Как только революция была подавлена, окончилась и царская свобода слова. Книжки Коваленского были изъяты, а их автор выслан из Москвы на далекую Кубань, в провинциальный Майкоп, без права преподавания в учебных заведениях. Вот и большая, чем у советских историков, свобода! Видимо, нужно пенять не огульно против стереотипов, а указать конкретно, что именно в советском наследии неприемлемо при оценке, например, той же Кавказской войны или любых других событий.

Чем же Ратушняк со товарищи обогатил нашу бедную науку? Главный их теоретический перл, содержащийся в приведенной нами цитате, несомненно, преподнесение романовской монархии последнего периода ее существования империей феодально-патриархального типа. Это действительно самостоятельная новация ведущих историков Кубани. До такой формулы не смог додуматься даже сам Ф. А. Щербина: его современники слишком хорошо видели сущность самодержавия. Обращает внимание и то, что подобного заявления пока не сделал ни один российский автор, кроме указанных, за все годы сегодняшних реформ.

Рассмотрим предложенное попристальнее. Что значит понятие «феодально»? Оно происходит от категории феодализм, содержание которой, говорится в новейшем словаре русского языка, означает «предшествующая капитализму общественно-экономическая формация, характеризующаяся существованием двух классов — феодалов и находящихся в личной от них зависимости крестьян» (*Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000. С. 850.*). Так же определяют феодализм словари иностранных слов, в том числе изданные в последние годы. Если для наших оппонентов эти толкования

неубедительны, приведем мнение словаря, изданного в США русскими эмигрантами: «Феодализм – средневековая политическая система, принятая во многих государствах Европы, при которой феодальная страна была поделена на отдельные территориальные участки - феодалы, отданные монархом-сюзереном в ленную зависимость знатным особам – вассалам... Феодальная система существовала в течение второй половины средних веков. К ликвидации ее в XVI веке привели централизация государств, усиление власти монархов и создание постоянных армий» (*Казачий словарь-справочник /Сост. Г. В. Губарев. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1970. Т. 3. С. 226.*). К рубежу XX века даже Россия стадию феодализма давно прошла. Так что «феодално» относительно близкой к нам эпохе явно не подходит. Рассмотрим слово «патриархальный». Тот же словарь русского языка дает ему толкование: «верный отжившей старине, старозаветный» (*Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка... С. 850.*). У В. И. Даля упоминаются «патриархальные обычаи, простые, кроткие, семейно-домашние» (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1882. Т. 3. С. 24.*). Такими безобидно-традиционными хотят видеть некоторые кубанские авторы противоречия монархической России. Но для определения режима, властвовавшего в огромной стране, которая знала весьма разноликую палитру отношений своего времени, эпитет «патриархальный» также совершенно неприемлем. Он не высвечивал некую присущую для страны всеобщность. Таким образом, и тут, что называется, термин явно не тянет.

Но тогда какой же была предреволюционная Российская империя? Ответить на этот вопрос можно, лишь учитывая, какие общественные силы были в ней ведущими, главными. И ответ, в общем, труда не представляет: прежде всего, помещики-дворяне, наследственные благородные землевладельцы. Именно им, помещикам, принадлежала основная масса земель на огромных пространствах западной части страны, которыми они владели на основе древнего вотчинного права. В эпоху бурного вторжения капитализма они продолжали считать незыблемыми представления о собственной исключительности и полной законности своих привилегий. Первым помещиком был царь. Николай II в анкете Всероссийской переписи 1897 года на вопрос о роде занятий ответил: «Хозяин земли русской».

Фраза подчеркивала сущность тогдашней государственной организации. Это была пришедшая в неизменном виде из средневековья **деспотия** во главе с **императором-деспотом**. Конечно, Николай II, получивший хорошее образование, обладавший, как утверждают, мягким нравом, отличался, например, от Петра I, который самолично рубил головы

стрельцам, замучил сына. Но и Николай II был обречен на проклятие оставаться именно тираном, нес в себе худшие черты азиатского самовластия («Мы, Божьей милостью самодержец всероссийский...»), как и все представители династии Романовых, так же, как обречен был нести в себе неизлечимую болезнь - гемофилию - его сын, наследник Алексей, которая досталась ему от череды предков через мать, императрицу Александру. Россия начала XX века была единственной в цивилизованном мире страной, в которой сохранялся самый дикий, несуразный пережиток – неограниченная царская власть.

Помещичья собственность на лучшую и большую часть земель и хроническое малоземелье десятков миллионов крестьян в европейской России предопределили особый национальный колорит вызревания революции. Один из помещиков и первых чиновников империи П. А. Столыпин пытался предотвратить «великие потрясения» во имя «великой России». Но при всей его решительности и настойчивости остановить неотвратимо приближавшуюся национальную драму его реформы были не в состоянии: он в своих начинаниях не только не затронул принципов феодально-патриархального самодержавия, но ратовал за их неукоснительное соблюдение. Он боролся за «великую Россию» помещиков. Здесь уместно напомнить вывод известного историка А. А. Любищева: «... Из всех эксплуататорских классов дворянство является наихудшим, наиболее близким к понятию чисто паразитарного класса: эксплуатация трудовых масс здесь достигает максимальных размеров» (*Любищев А. А. Понятие великого государя и Иван Грозный // Звезда. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1995. № 8. С. 131.*). Потому что, добавим мы, она опиралась на древнейший, консервативный способ организации угнетения – экспроприацию земли у народа, прежде всего у крестьянства.

Другой растущей, усиливающей свое влияние социальной группой были предприниматели-капиталисты разных типов и калибров. М. Н. Коваленский, в уже цитировавшейся выше работе, одним из первых отметил российские особенности генезиса капитализма: с развитием современной промышленности «рядом с дворянами-землевладельцами выдвинулись капиталисты-фабриканты и заводчики, выдвинулась крупная буржуазия. Дворянская монархия становилась дворянско-буржуазной... Поднявшись в уровень с помещиком, фабрикант и заводчик перенесли на свою фабрику понятия и порядки, царившие в крепостной деревне...» (*Коваленский М. Н. Указ. соч. С. 109.*). Это обусловило особый, жестокий крепостнический колорит эксплуатации молодого отечественного рабочего класса, психологию взаимоотношений с ним хозяев предприятий

и властей. В. И. Ленин имел все основания заявить: «В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс, безусловно, **заинтересован** поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма. Рабочему классу, безусловно, **выгодно** устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма» (*Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 37.*). В том числе – ратушняковской модели феодально-патриархальной монархии.

К XX веку Россия была страной с достаточно мощной индустриальной базой, обуславливавшей соответствующие антагонизмы в обществе. Громко звучали протесты против тяжелейшего положения рабочих. Зрело несогласие со старозаветными угнетательскими порядками в деревне, ширилось нелегальное революционное движение, принимавшее все более организованные и грозные для властей формы. Учитывая сказанное, следует признать соответствующее социальным реалиям эпохи, то есть подлинно научным, определение романовской монархии: это было помещичье-буржуазное царство. Наши расхождения с группой преподавателей КубГУ носят, как понимает читатель, не терминологический характер. Дело в том, что разные определения сущности самодержавного государства скрывают или подразумевают разные по масштабам и остроте социальные противоречия. В феодальном (а тем более феодально-патриархальном) обществе они одни, неразвитые, не соответствующие эпохе капитализма, исключаяющие саму постановку вопроса о революции, свержении царизма народным восстанием, а в помещичье-буржуазном – совершенно другие, всеохватывающие, жгучие, абсолютно непримиримые, ускоренными темпами выливающиеся в назревание революционной ситуации.

В самодержавном царстве на первом, почетном месте стояли аристократическо-дворянская верхушка, помещики – класс, являвшийся органичным носителем родных ему умонастроений монархизма, естественно-исторической и экономической основой которого он оставался, оберегая пеструю, доставшуюся от феодализма и крепостничества собственную внутриклассовую иерархическую разделенность, гордясь титулами «величеств», «высочеств», «светлостей», «высокопревосходительств», «превосходительств», «высокородий», «высоко» и просто «благородий». Эти официальные клички были признанием статуса высокого порядка. На самом же деле, как вскоре стало

ясно, они являлись свидетельством принципиального противостояния их носителей простонародью, трудящимся массам.

Особую весомость классу помещиков придавало то, что монархическая власть, как в средневековье, объявлялась божественной православной государственной церковью, а сам царь «помазанным», то есть, так сказать, утвержденным неограниченно править страной и ее народом неземным авторитетом - самим Всевышним. И эта-то власть социальных паразитов преподносилась как легитимная! Ей был обречен вечно повиноваться огромный, безжалостно угнетаемый народ. Поэтому при определении сущности монархии как помещичье-буржуазной слово «помещичья» логично ставить на первое место. Впрочем, не будет ошибкой и наименование «буржуазно-помещичья». Если учесть, что главным содержанием российской жизни рубежа XIX-XX веков стали всеильные денежные отношения и все без исключения помещики оказались в их орбите.

Но разве Ратушняк и члены его кафедры, сами вчерашние советские историки, которые в свое время штудировали понятия социально-экономические формации (кстати, перестроечными реформами не отмененные), первопричины российских революций, не знали о вышеизложенном? Конечно же, знали. Чем же вызваны их новейшие ориентации? Мучительными раздумьями, поисками социально-философского идеала? Думается, все гораздо проще. Они ищут оправдание произошедшего переворота своим, упрощенным путем.

* * *

Продолжим рассмотрение теоретических упражнений наших оппонентов. По собственной логике, как мы видели, они утверждают, что поскольку Россия была империей феодально-патриархального типа, то ее политика колониальной вовсе не была, а являла собой некую отеческо-материнскую по отношению к присоединенным народам теплую, семейную озабоченность. Расширение границ империи путем завоеваний «преследовало политические, нежели экономические цели». Вследствие чего «большинство южных и восточных окраин... не были колониями в том смысле, которым наполнил это древнее понятие промышленный капитализм XIX в.». И далее самое сильное толкование: «Решающую роль здесь играли соображения военно-геополитические: сюзерен, каковым выступал российский государь-император (как почтительно! - *И. К.*), расширял подвластную себе территорию, наращивал могущество государства, увеличивая его безопасность и военно-геополитический вес. Вассалы, то есть добровольно вошедшие или подчиненные народы,

получали гарантии военной защиты и немалые льготы для высших сословий. Россия проводила на своих окраинах не национальную, а социальную ассимиляцию, включая в свою правящую элиту представителей местной феодальной знати. Да и русский народ не был народом-господином, ибо он нес бремя крепостного права и основной груз воинской повинности, обеспечивая безопасность всех вошедших в империю народов».

Читая подобное, не знаешь, чему больше удивляться: убогости мысли или заряду примитивной фальши. В приведенной тираде все лживо или неграмотно.

XIX век – эпоха интенсивных колониальных завоеваний, завершения передела мира между тогдашними могущественными государствами-хищниками. Россия внесла свою немалую лепту в этот общемировой процесс. Да, ее колониальные амбиции отличались от захватов европейских держав где-нибудь в Африке или Азии. России не нужно было искать объекты для присоединения за морями: их было предостаточно сразу за околицей собственно русских территорий. Освоение проводилось давно, еще Московским государством, что по времени, в общем, совпадает с великими географическими открытиями и «подвигами» конкистадоров. Несмотря на некоторые понятные особенности, синхронность в действиях колонизаторов запада и востока сохранялась и позже.

В те самые дни, когда гремели залпы русских орудий и лилась кровь на Кавказе, Англия расправлялась с индийским восстанием 1857-1859 годов, наводила вооруженной силой порядок в других своих владениях; Франция вела многолетнюю борьбу с восстанием Аль-Кадира в Северной Африке; в Соединенных Штатах добивались остатки свободных индейских племен. С этими колонизаторскими усилиями достойно перекликались деяния войск российского сюзерена: фактический геноцид адыгов на Северо-Западном Кавказе, штурм Чикмента 22 сентября 1864 года, штурм Ташкента в мае 1865 года, жестокое подавление Кокандского восстания 1873-1876 годов, резня, устроенная отрядом белого генерала М. Д. Скобелева в Геок-Тепе 12 января 1881 года, которую до сего дня вспоминают в Туркмении как скорбную траурную дату.

Одинаковыми были и цели колонизаторского синклита. В конечном итоге они выливались в государственно поддерживаемое организованное ограбление отсталых, по сравнению с грабившими цивилизаторами, народов. Послушать горе-ученых о бескорыстии империи, которая в

ущерб собственным интересам будто бы только и делала, что пеклась о присоединяемых народах, так набегают слеза умиления: «Некоторые сегодняшние кавказские историки предпочитают цитировать иные высказывания основоположников марксизма-ленинизма о России: «тюрьма народов», «главный оплот варварства, зверства и реакции как в Европе, так и в Азии» и т. п., что может вызвать лишь недоумение, если исходить из принципа историзма и рассматривать положение окраин России в XIX в. в сравнении с аналогичными процессами в колониальных империях западно-европейского типа. Многочисленные исследования подтверждают, что в России при всей остроте противоречий не было нации, наживающейся за счет эксплуатации другой. Россия часто больше вкладывала средств в развитие своих окраин, чем получала прибыли, социальная верхушка малых народов включалась в господствующий класс империи и т. п.» (Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратушняк В. Н, Указ. соч. С. 34.).

Тюрьма народов – термин не научный, а публицистический. Применять или не применять его - дело вкуса. Но со всей серьезностью можно отметить: для нерусских народов царская Россия пионерским лагерем явно не была. За счет колониальной эксплуатации наживались не нации, а угнетательские верхушки, буржуазия колониальных держав, в том числе России, их периферийные представительства. И что-то среди господствующего класса империи, например в составах царских правительств, в числе губернаторов, высших чиновников мы не упомянем узбеков, вотяков, черемисов или адыгов.

Ратушняк и другие упоминают многочисленные исследования, подтверждающие их правоту. Что же они не назвали ни одного из них? Подозреваем, что таковых не было в прошлом и нет сейчас. А вот мы некоторые примеры приведем.

Перед нами книга Арсения Арсеньевича Ярилова, в 1918-1920 годах профессора Кубанского политехнического института, «Мелецкие инородцы» (Юрьев, 1899). Она посвящена детальному изучению положения чулымских татар – жителей одного из довольно обширных районов Сибири. Автор свидетельствует: «Чулымские инородцы были обложены ясаком еще за несколько лет до постройки Томска (в 1604 году) сургутскими и кетскими казаками...» Кетский воевода «разослал служилых людей в Чулым, в Мелесы и в Киргисы, а велел заклады и государев ясак имать...» (Ярилов А. А. *Мелецкие инородцы*. Юрьев, 1899. С. 23.) С XVIII века существовали ясачные книги. « Ежегодно, согласно окладу, с Мелецкой волости должно было взиматься «поминку»

(государева) - бобр чернокарь да 10 соболей» и ясаку «четыре сорока 20 соболей» - то есть ясаку по 10 соболей с каждой платежной (от 18 до 50 лет) души. Мелецкая-Туталова волость уплачивала поминочных 15 соболей и ясаку 98 соболей». «...Согласно Высочайше утвержденного в 3-й день марта 1836 года Всеподданнейшего доклада г. г. Министров Императорского двора и финансов... вменены... в непрременную обязанность звериными шкурами» поставлять дань. В 1865 году инородцы просили освободить их от непосильного бремени налога, «потому что находимся в самом бедственном состоянии» (Ярилов А. А. *Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899. С. 11.*). Кроме этого, отбывались установленные властями повинности для волостных и сельских нужд: на исправление дорог, мостов, гатей, установку вех, обывательскую гоньбу, поимку беглых, дезертиров и арестантов, караульных при церкви и при управе, рассыльных и десятников, поправку общественных домов, ледников, заготовку дров для отопления церкви и управы. «Это в общей сложности почти 90 000 рабочих дней... так что на долю каждого выпадало чуть не 300 рабочих дней...» (Ярилов А. А. *Мелецкие инородцы. Юрьев, 1899. С. 43.*).

К чему вел такой расклад колониального бремени, Ярилов показал в другой, названной им весьма красноречиво книге: «В защиту науки и приговоренных к смерти» (Юрьев, 1900). Местное нерусское население вымирало. И сегодня невозможно без возмущения читать: «...Кочующие по реке Абакану инородцы быстро беднеют, причем прироста населения почти нет... Эти несчастные люди, обладатели по праву (?) земли, на которой они живут, приходят к настоящему жалкому положению и неминуемому исчезновению с лица земли благодаря, с одной стороны, крайнему своему неразвитию, а с другой – неудержимому стремлению местного русского населения снять со своего ближнего все до шкуры включительно». В «Сибирской газете» (1881, № 29) спокойно констатировалось: «...Мы знали это давно, видели собственными глазами и убедились, что в какой-нибудь 20-летний промежуток инородческое население Минус. окр...вымирает с такой быстротою, при которой еще через 20 лет... не будет в долинах реки Абакан ни одного туземца». Тогдашние защитники колониальных порядков, конечно же, нашли научный тезис для объяснения происходившего. Местным народам, инородцам, предрекалось: «будущее неутешительно. Или им суждено еще многие века костнеть во мраке невежества, суеверий и предрассудков, или, войдя в общение с более сильным, просвещенным народом, предрешиено им, по великой теории Дарвина, погибнуть в общем водовороте жизни» (подчеркнуто А. А. Яриловым) (Ярилов А. А. *В защиту науки и приговоренных к смерти. Юрьев, 1900. С. 99.*).

Эти же доводы енисейского официоза позже, в 1898 году, в статье «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)» А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова были опубликованы в Красноярске. Вот их аргументы: «Вопрос о печальной участи инородцев как более слабого и менее культурного племени предопределен биологическими законами... Непреодолимый закон борьбы за существование никогда... не переставал оказывать своего влияния: менее (чем минусинские и ачинские инородцы) приспособленные и поставленные в худшие условия тюркские племена, как арины, котты и джесары, и менее приспособленные отдельные личности гибли в этой борьбе и угасали» (Ярилов А. А. *В защиту науки и приговоренных к смерти*. Юрьев, 1990. С. 10.). Критикуемым авторам не могла прийти в голову мысль о том, что на рубеже XX века в человеческом обществе бесчеловечность понимания биологических законов должна была исправляться гуманными социальными законами.

Начинавший тогда молодой исследователь Арсений Ярилов с искренним, понятным возмущением писал и о положении инородцев, о позициях ученых, оправдывавших имперскую политику. Он изобличал выкладки енисейского губернского статистического комитета, изложенные в публикациях А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова «минусинских и ачинских инородцах», в которых местные народы приговаривались к смерти. А. А. Ярилов заканчивал свое выступление страстной филиппикой: «Будем надеяться, что... смертная казнь через «угасание», к которой приговорены г. Кулаковым «скотоводы», будет отменена «истинными» биологическими и иными законами. (Об «иных» законах - законах надвигающейся революции более определенно Ярилов тогда говорить не мог. - И. К.).

Гораздо более, чем грядущая судьба «неприспособившихся» инородцев, способно возбуждать тревогу настоящее состояние русской науки. Работы, подобные только что разобранным нами, служат наилучшим показателем того, как низко стоит у нас дело научного исследования и как легко попасть в ряды ученых всякому, ознакомившемуся хотя бы лишь «с краткими начатками», да и то нетвердо – с «первыми 4 правилами арифметики...» «Спрос на ученость, хотя бы минимальную, растет все более и более, возбуждая в глазах «добровольцев» желания и аппетиты, ничего общего с идеальным служением истине не имеющие... Чуть не каждый день приносит нам имена все новых и новых «ученых на час», с восходом следующего утра исчезающие уже гораздо скромно и незаметно, чем появились... А между тем до сих пор не изобретено еще легкого способа различения истинной научности от «призрака» ее или даже искусственной фальсификации, и потому всякому исследователю при

своей работе поневоле приходится с большими трудностями и опасностями, с совершенно непроизводительной затратой времени и труда пробираться дремучею чащей празднословия, невежества и неправды, накопленных стараниями добровольцев уже в таких количествах, что пора бы серьезно подумать о применении санитарных мер против дальнейшего «удобрения» русской научной литературы. Пора вспомнить, что у науки тоже есть ствол – честь, которая тоже нуждается в защите...» (Ярилов А. А. *В защиту науки и приговоренных к смерти*. Юрьев, 1990. С. 100.).

Какое верное наблюдение! Как будто бы написано не сто с лишним лет назад, а адресовано отдельным современным кубанским ученым. У нас давно и бесперебойно действует принцип: главное – заполучить ученую степень. А потом до пенсии можно с высоты вузовской кафедры изрекать премудрости, совершенно не заботясь о качестве преподносимого.

Колониальный грабеж всегда и везде начинался одинаково, с последовательной закономерностью. Испанцы грабили золото инков и ацтеков. Русские первооткрыватели Сибири сразу стали отнимать у коренного населения «мягкую рухлядь». Посланец Ермака к Ивану Грозному – казак Иван Кольцо привез царю прекрасные меха, явно не добытые им самим или его товарищами на охоте. А что же можно было взять у туземцев Кавказа? Их главным богатством была земля. Занимаемые ими территории имели стратегическое значение в тогдашних политических расчетах империи. Они представляли немалую ценность так же, как фактор экономической колонизации обширного района. И царский режим остался верным в своей поработительской сущности: на Северном Кавказе он создал для инородцев не только ничуть не лучшие условия, чем те, которые были у инородцев Сибири, а обрек покоренное силой оружия местное нерусское население на тяготы, неизмеримо большие, чем испытывали их товарищи по несчастью за Уральским хребтом.

Наши оппоненты придерживаются диаметрально противоположного мнения. «...Адыгские аулы, - утверждают они, - получили в общинно-надельное пользование больше земли на один двор (семью), чем имели ее в то время крестьяне-общинники Европейской России» (Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратушняк В. Н. *Указ. соч.* С. 37.). Выходит, царизм в ущерб собственным интересам организовал этаким рай для аборигенов. Но это очередная ложь.

Документы кавказского наместничества, которые могли бы пролить свет на не столь отдаленное прошлое, хранятся в Тбилиси и давно уже стали для российских исследователей практически недоступными. Известно, что

центральным архивом России велись переговоры с грузинской стороной о передаче российской фондов наместничества в обмен на древние грузинские документальные раритеты, имеющиеся в Москве. Но пока обстоятельнее ознакомиться с материалами о начале российского освоения Кавказа возможности не имеется. Сегодня мы можем обратиться, например, главным образом к отчетным документам, сохранившимся в личных фондах императоров Николая I , Александра II , Александра III , Николая II . Нужно учитывать их особенности: царям сообщалось самое главное, без деталей, особенно когда они могли резать ухо, быть неприглядными. Во-вторых, авторы докладов старались подчеркнуть положительное значение, благотворность высочайшей политики, даже если таковой в действительности не было.

Из «Всепопданнейшей записки Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1882-1890 гг. Тифлис» от 1 февраля 1890 года: еще в 1847 году было установлено положением «о взаимных отношениях... землевладельцев и поселян» - «наделить поселян 5-десятинной пропорцией земли на каждую мужского пола душу» (*Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 677 (императора Александра III), оп.1, д. 557, л.12 об.*). Неизвестно, было ли это условие выполнено. Вероятнее всего — нет. Казак имел право на «душу мужского пола» по 30 десятин, но фактическая норма, например на Кубани, была значительно ниже - в два и даже в три раза. Общую картину распределения земель в империи позволяет представить «Статистика землевладения. 1905 г. Свод данных по 50 губерниям европейской России» (СПб., 1907). В этом издании на странице 128 сказано: в среднем на один двор крестьяне бывшие владельческие (т. е. крепостные) имели 6,7 десятины, бывшие государственные - 12,5 десятины, бывшие удельные - 9,5 десятины. По 50 губерниям на 170 466 крестьянских общин (без казаков), объединявших 11998 705 дворов, приходилось 12 219 740 десятин земли – по 10,2 десятины на один двор. С какого потолка наши оппоненты взяли, что в адыгских аулах земли на один двор имелось больше, чем у русских крестьян?

Из «Из Всепопданнейшего отчета наместника на Кавказе о деятельности наместничества за время с 1855-го по 1880 год» раздела V «Поземельная реформа»: «В шестидесятых годах производилось последовательное осуществление планов поземельного устройства туземных горских племен плоскостных частей Терской и Кубанской областей, где поземельное владение вследствие военных обстоятельств и водворения в крае русских поселений представлялось также чрезвычайно сбивчивым и неравномерным. В настоящее время все предложения по сему делу давно

выполнены и в обеих названных областях произведена съемка и размежевание всего 6 миллионов десятин, с распределением их между казаками Кубанского и Терского войска, а равно между населением Кабардинского, Осетинского, Ингушского, Чеченского и Кумыкского племен Терской и горским населением Кубанской области. Начиная с 1872 года произведены довольно значительные межевые работы по поземельному наделу казачьих поселений... на основании Высочайше утвержденного Вашим Величеством Положения о поземельном устройстве в казачьих войсках» (ГАРФ. ф.678 (императора Александра II), оп.1, д. 687, л.13,14.).

То есть главное внимание уделялось наделению землей казаков. Они не могли быть уравнены (как утверждает официальная бумага) с горцами: «Высочайше утвержденного» Положения о норме земельных владений для завоеванных народов, понятно, никогда составлено не было. Земли не хватало даже казакам. В сентябре 1898 года казаки кубанской станицы Баракаевской, расположенной в Закубанье, обратились с письмом-жалобой к Николаю II, в котором напоминали, что в Баракаевскую переселились «наши отцы» (в период захвата адыгских земель. - И. К.) в 1862 году. Станичники бедствовали. Их земли были малоценны. Правда, имелось 10 600 десятин леса. Его рубили на дрова, которые «продаем или меняем на хлеб ...для пропитания себя и своих семейств». За вывозимые дрова с них взимали плату: 3 копейки за воз дров да за проезд по мостам - 6 копеек. Казаки вынуждены были влезать в долги - задолжали более тысячи рублей. Они просили «об отводе нам в равнинной местности земли, удобной для хлебопашества, вместо нашей гористой, а если сего невозможно, то избавления нас от лесной поленной платы» (ГАРФ. Ф.601 (императора Николая II), оп.1, д. 840, л. 1, 2.). Дефицит земель для казаков тогда ощущался повсеместно на Кубани. И нет оснований считать, что власти особо пеклись о кавказских инородцах.

К сожалению, никто не исследовал бюджеты горцев, как это сделал по отношению к ряду сибирских народов А. А. Ярилов. (Интересно отметить, что Ярилов сопоставлял собственные наблюдения со статьей Ф. А. Щербины «Влияние урожаев и хлебный рынок» (Ярилов А. А. В защиту науки и приговоренных к смерти...), что лишний раз свидетельствует о значении его статистических работ). У нас нет данных о том, что представляли собой адыги второй половины XIX - начала XX века, как они жили, оказавшись в границах империи. Ни Ф. А. Щербину, ни Л. В. Македонова или кого-либо другого эта проблема не заинтересовала. Имеются только отдельные сведения о положении кубанских горцев. Откроем «Известия общества любителей изучения Кубанской области»,

выпуск 5-й, в котором помещена большая статья «Карачаевцы». Ее автор Н. С. Иваненков сообщает, что карачаевцы (как и адыги) получили землю «по прокламации графа Евдокимова» в 1865 году. «Мест, удобных для распашки, было очень мало, поэтому дробление земли достигло ныне крайних пределов. Так, например, есть владения, равные 20 квадратным сажням посеvu 1/2 и 1/4 меры ячменя...» (*Иваненков Н. С. Карачаевцы. В сб. «Известия общества любителей изучения Кубанской области». Вып. 5. Екатеринодар, 1942. С. 34.*) Десятина – это 2400 квадратных саженьей. 20 саженьей составляют 1/120 десятины.

Вот ответ на утверждение о будто бы существовавшем многоземелье у покоренных горцев. Но, допустим, что адыгским аулам земли досталось намного больше, чем карачаевским. Означало ли это, что адыги жили более счастливо, чем их ближайшие соседи? Отнюдь.

Величина возможного подворного земельного надела, при всей ее значимости, была только одним из факторов крестьянского хозяйствования. Другими являлись наличие в семье работников, рабочего скота, земледельческих орудий. Нам неизвестно, сколько именно осталось взрослых работоспособных мужчин среди выживших после кровавого покорения царскими войсками Западного Кавказа, сколько женщин, детей? Каким количеством лошадей, крупного рогатого скота, другой живностью они располагали? Ведь по закону колониального разбоя грабеж адыгов, как и всех других завоевываемых народов, начался немедленно с приходом поработителя. Причем адыгам пришлось неизмеримо хуже, чем их собратьям инородцам-сибирякам. Тех хоть не убивали и насильственно не изгоняли из родных мест. Спецификой же колонизации Кубани стало то, что ограбление адыгов было напрямую связано с разорением аулов, массовыми выселениями. Исследователь сообщает: «Уходя, адыги оставляли свои жилища, уцелевший скот, запасы хлеба, конечно, все это доставалось поселившимся казакам» (*Раенко-Туранский Я. Н. Адыги до и после Октября. Ростов н/Д, Краснодар, 1927. С. 30.*). Сколько и что именно было отнято у горцев? Эта грустная статистика навсегда осталась в графе «Историческая тайна».

Местным инородцам «был определен особый район на левой стороне Кубани. 18 апреля 1865 г. Главнокомандующим было предписано начальнику Кубанской области о распределении горцам земель, причем принято в основание соизволение по сему предмету государя императора, последовавшее в 1861 г., во время пребывания его величества в Кубанской области - и ныне окочены уже все наделы как туземцам, так и равно русским переселенцам» (*Кавказ в течение двадцатипятилетнего*

царствования Государя Императора (Александра II). 1855-1880; ГАРФ, ф.678, оп.1, Д. 682, л. 50 об.)... В чем состояло «соизволение», из каких расчетов выделялись согнанным войсками со своих исконных территорий адыгам земли – неизвестно. Вероятнее всего, был просто, на глазок, определен район их нового обитания - в средней части значительно заболоченной долины у реки Кубани и некоторых ее левых притоков, окруженный близлежащими казачьими станицами.

Из представленного царю «Очерка развития административных учреждений в Кавказских казачьих войсках»: после организационного оформления в 1860 году Терского и Кубанского казачьих войск 6 августа 1865 года было, наконец, открыто Кавказское горское управление. «Для горцев учреждения эти состояли из канцелярии при начальнике области, областного суда, окружных начальников, *пользовавшихся лично правами уездных правлений* (выделено. - *И. К.*), горских народных судов при округах, приставов или наибов и аульных старшин. Предполагалось издать положение об общественном аульном правлении, но до настоящего времени оно остается ненаписанным (его не написали до 1917 года. - *И.К.*), и в своих общественных делах горцы руководствуются обычаем. В Кубанской области для управления горцами, после переселения большинства их в Турцию, была учреждена должность попечителя с небольшой канцеляриею» (*ГАРФ, ф. 677, оп. 1, д. 438, л. 14 об.*). Иными словами, остатки недобитых и невыселенных адыгов в количестве около 100 тысяч человек (5-6 процентов бывшего коренного населения) подпали под неограниченную власть местных чиновных управителей. Без малейшего риска ошибки можно утверждать: жалкие по численности остатки истребленного или вышвырнутого за море еще совсем недавно многочисленного самобытного народа, запуганные и деморализованные, полностью лишённые каких-либо прав, быть счастливыми «вассалами» незванного сюзерена-государя императора в евдокимовской резервации никак не могли, даже если допустить, что им будто бы перепало земли больше, чем имели ее русские крестьяне.

Следующий акт колониального грабежа был организован непосредственно царской администрацией, которая не могла не прибегнуть к экономическому употреблению новых верноподданных. Как о больном успехе самодержцу докладывалось: с 1 января 1866 года, то есть всего через полтора года после окончания боевых действий Кавказской войны, местные инородцы, как в свое время сибирские, были обложены государственными податями. Уже к 1870 году они «вносили ежегодно, почти без недоимочно, свыше 300 тысяч рублей» в казну (*ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 682, л. 51.*). Кроме этого, «призванные к

отбыванию натуральной повинности, горцы беспрекословно подчинились этой необходимости» (Там же, л. 52 об.) ... Попробовали бы они не подчиниться!

Иностранцами обложение русской данью, конечно же, воспринималось как продолжение хорошо им известного военного насилия. 300 тысяч рублей для оказавшихся под имперской пятой племен было очень крупной суммой. Как она выплачивалась сборщикам - тоже историческая тайна. Трудно предположить, что горские общинники располагали денежными знаками, которые могли требовать от них чиновники. Вероятнее всего, налоги выплачивались, как это делалось при недоимках в России, изъятием соответствующего поголовья скота. Могло изыматься и какое-то имущество. Но что ценного можно было найти в уже ограбленных саклях? О примерных заданиях натуральных повинностей можно судить хотя бы по их перечню у Ярилова (с поправкой на кавказскую специфику).

Нам могут возразить: налоги и разного рода повинности несли все податные сословия, кроме дворянства, православных священнослужителей, казаков. Да, это так. Но для горцев это было жестким государственным нововведением, ранее совершенно им неизвестным. К нему нужно было привыкнуть, нужно было также создать условия для экономического роста аулов, которые позволили бы иметь определенный, сколько-нибудь стабильный доход. Думается, за несколько лет хоть как-то залечить раны, нанесенные «покорителями», относительно стать на ноги хозяйственно было невозможно. Можно представить себе настроения, с которыми встречали в аулах впавшие в порабощение, бедствовавшие люди сборщиков податей. И еще об одном: за годы работы с архивными источниками нам не встретилось ни одного упоминания о мерах российского начальства, которые подтвердили бы слова оппонентов: «Россия часто больше вкладывала средств в развитие своих окраин, чем получала прибыли». Со всей ответственностью заявляем, что самодержавным Петербургом каких-либо дотаций или субвенций, направленных на улучшение положения вассалов-иностранцев, не выделялось никогда.

Описанные тяготы, легшие на иностранцев, повторявшие общий почерк колониального надругательства, усугубили меры, которых не знали ни Сибирь, ни Дальний Восток, ни Средняя Азия. Северный Кавказ был очень быстро превращен в огромную новую зону *помещичьего землевладения*. На эту сторону местной колонизации, насколько нам известно, специального внимания исследователями не уделялось. Между тем именно распространение на Предкавказье помещичьей организации

хозяйствования имело далеко идущие последствия, немедленно наложило свой отпечаток на социально-экономическую жизнь региона.

С незапамятных времен обширные территории Северного Кавказа являлись само собой разумеющимся резервом как для перемещений многих народов, так и для возможного социального маневрирования. Строго фиксированных собственников они не имели. И вот за считанные месяцы и годы все изменилось. Завоеватель решительно и бесповоротно грубыми имперскими ножницами перекроил карту землепользования. Прежде всего передачей земли Кубанскому и Терскому казачьим войскам, образовав огромную государственно-вотчинную латифундию – экономическую первооснову войскового сословия. Ничего подобного до того Кавказ не ведал. Новый порядок противостоял горцам, так как был на деле явленной альтернативой древнему общинному укладу, действовавшему и в раннефеодальных обществах горских народов.

Внутри казачьей земли значительный ее клин был передан в потомственное владение казачьим офицерам, чиновникам, генералам. Их статус помещиков в отличие от обычных русских помещиков был значительно прочнее, устойчивее: он имел надежную степень защиты. Земли казачьего дворянства одновременно являлись землями сословия. Возникновение на предкавказском юге страны большой корпорации служилых землевладельцев - и «паевых» (рядовых казаков), и «благородных» (офицерство, чиновничество, генералитет) - означало недвусмысленную ставку царского правительства на укрепление старых, консервативных основ эксплуатации, которая была абсолютно неизбежна. Ведь наделы в многие сотни (да и десятки) десятин ни один богатый казак, офицер или генерал сами обрабатывать, разумеется, не собирались.

Кроме того, сразу после завоевания районов Северного Кавказа, как докладывалось царю, было «пожаловано» «около 240 тысяч десятин 116 лицам из служащих и служивших в крае чиновников гражданского ведомства» 57, что составляло в среднем более чем по 2 тысячи десятин на каждое новое поместье. Это были крупные владения. Вспомним: по царским определениям казачий генерал имел право только на 1500 десятин, штаб-офицер – на 400, обер-офицер и классный чиновник – на 200 десятин каждый. Разумеется, не были обойдены вниманием и военные руководители. Например, немалые земельные имения на Кубани и Ставрополье получил граф Н. И. Евдокимов - один из главных руководителей русских солдат и казаков, завоевывавших Кавказ.

Так были разграблены земельные богатства вновь присоединенного к империи района. Факты свидетельствуют: заявление наших оппонентов о решающей роли в российских территориальных приобретениях только неких военно-геополитических целей является сказочкой для доверчивых простаков.

В обращении к российскому императору чиновники были предельно подобострастны: «...Над Кавказом непрерывно царит четвертый из наших возлюбленных монархов, двадцатипятилетию которого, по воле Господа, суждено было в течение всего этого времени осчастливить край решительным умиротворением и дальнейшим затем благоденствием» (ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 687, л. 15.). Мы знаем, во что вылилось для северокавказских инородцев «решительное умиротворение». А «благоденствие» для них означало, что они оказались брошенными на произвол судьбы. Ими интересовались только при сборах податей. Очувтившись в новых необжитых местах, потерявшие близких и соседей, лишённые привычных условий и возможностей хозяйствования, задавленные поборами, нищетой, болезнями, адыгские племена стали вымирать. Они неотвратимо угасали, как их сибирские собратья. Вот как аргументировано констатирует современный исследователь: «Оставшаяся часть адыгейцев была выселена с гор и размещена в низменных местах (у) реки Кубани, представляющих собой большей частью дикие заросли, камыши, плавни. Бесправный, размещенный между казачьими станицами народ не находил сил бороться за оздоровление этой местности, обрекался русским царизмом на физическое и моральное вырождение. Смертность превышала рождаемость» (ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 682, л. 2.). «Печальный факт, совершающийся на наших глазах, вымирание горских племен, внушает основательное опасение, что народ этот в недалеком будущем исчезнет окончательно», - писал офицер Фелицын в 1881 году. «В таких типичных аулах, как Уляп, Блечепсин, Пшизов, Егерухай, Хачемзий, Хакуринохабль, в 1910 году умерло на 10 процентов больше, чем родилось, в 1911 году - на 32 процента»(!) (Хутиыз К. К. *Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917-1940 гг. (На материалах адыгских народов Северного Кавказа)*. Ростов-н/Д, 1993. С. 29.). Таков ответ на измышления Ратушняка и др. Опоздай Великая Октябрьская социалистическая революция на пару десятилетий, и полное исчезновение ряда племен северокавказских инородцев вполне могло бы стать реальностью.

Итак, среди несчастий, обрушившихся на порабощенные народы Северного Кавказа, на первом месте стояла земельная. Захват и правовое оформление здесь земель под казачьи и помещичьи владения

совпали с отменой крепостного права в России. Проводившим эти меры царским администраторам нельзя отказать в дальновидности: они понимали (или случайно угадали?), что находящиеся сравнительно недалеко от районов массового компактного проживания русского крестьянства, прекрасные по качеству степные земли имеют немалую ценность, обеспечат надежные доходы владельцам, так как очень скоро станут местом притяжения большого количества переселившихся или приходящих наемных работников.

Современным историкам весьма полезно знать и помнить оценку Ф. А. Щербиной значения слова царизмом древних традиционных порядков местного землепользования. Тем более, что для Ратушняка и других он - непререкаемый авторитет: «...Мы, русские, кичащиеся своей самобытностью, не поняли тем не менее общинно-земельного быта кавказских горцев и вопреки основным началам этого быта насадили в нем институт частной земельной собственности, как поддерживали мы высшие горские сословия, меряя их культурною меркою английского лэндлордизма, а не своеобразною меркою полудикого демократа-горца. И что же, в конце концов, оказалось? Те самые сословия, которые мы поддерживали, платили нам кровью и пожарами, то возмущая своих единоплеменников, то санкционируя и поддерживая эти возмущения каждый раз, когда представлялся к этому удобный случай, и руководимая ими рядовая чернь покорно шла за ними и верила им как авторитетной силе, считая не их, а нас своими угнетателями. Нет, не в повторении ошибок прошлого мыслимо объединение кавказского инородца с русским населением, а в исправлении этих ошибок. Необходимость реформ в этом последнем отношении настоятельна. Многое и многое из того, что пережил Кавказ и что вряд ли будущие историки помянут добрым словом, наверное, совсем не имело бы места ни в прошлом, ни в настоящем, не будь упомянутых ошибок. Представьте, в самом деле. Что должен был думать о нас, русских, хотя бы кумык, который в течение столетий был собственником и потом вдруг благодаря нашему непониманию его общинного быта стал пролетарием, и как должен был смотреть со стороны на это горец! А ведь это не единичный пример. Самый религиозный фанатизм кавказских горцев, в котором принято обыкновенно видеть причину всех причин вражды к нам горцев, был лишь следствием чего-то другого, и этим другим, несомненно, было неумелое и бестактное отношение русских к экономическому быту и обычному праву горца. ***Нарушить ведь у народа земельные основы - значит поколебать все*** (выделено. - И. К.). Впоследствии, когда массы горцев были лишены даже родины, фанатизм, конечно, еще более обострился, потому что обострились и осложнились и причины, порождавшие его. Но там, где не

было таких причин, там слаб был и фанатизм. Карачаевцы, например, прекрасно уживались с русским режимом и теперь стоят к русским едва ли не ближе всех других горских племен только потому, что в общинно-экономическом быте этого племени русские никогда не позволяли себе никакой насильственной ломки... Факт характерный, и если бы ввиду его можно было спросить небо, чем же, наконец, можно победить кавказского горца, то, указывая на этот факт, оно, наверное, ответило бы: сим победиши» (*Щербина Ф.А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. Отдельный оттиск. Российская государственная библиотека.*).

Щербина первым заговорил о социальных причинах ненависти горцев к русским, необходимости реформ. То есть в отличие от Ратушняка и К^о заявил о проблеме научно. Но он непоследователен. Первопричина ситуации на «русском» Кавказе была вовсе не в непонимании горцев и ошибках по отношению к ним военно-колониальной администрации. Щербина сам не понял колонизаторов, которые не могли не грабить и не притеснять, исходя из уровня собственного тогдашнего мировидения правившей Россией аристократической элиты, венцом которой было алчное стремление к немедленному обогащению, оформлению помещного землевладения на завоеванных территориях. Против этой грабительской устремленности морализаторские призывы к реформам и исправлению ошибок были бессильны. Высокогорные ущелья и небольшие плато, непригодные для хлебопашества, где проживали карачаевцы, аппетитов у русских завоевателей не вызывали. Но, как мы видели, очень скоро и карачаевцы ощутили малоземелье - прямое следствие колонизаторских действий и порядков. То есть победить горцев по щербиновскому рецепту, сделать их союзниками русских пришельцев было невозможно. Антагонизм местных народов по отношению к внешнему, чужестранному игу существовал постоянно, влившись в общий поток глубочайших противоречий, развивавшихся в недрах империи, подтачивавших ее основы.

О наличии антагонизмов говорили не утихавшие протесты горцев. С 1861 года вспыхивали их разрозненные восстания. Императорская сторона расценивала их так: «Не только в то время, когда происходили наши наступательные действия в пределах Западного Кавказа, но даже в небольшой промежуток и после того нам следовало неизбежно ожидать в разных местах края частых вспышек, так как они представляют собою естественное явление долгой войны и покорения обширного разноплеменного края. Это отпрыски рухнувшего громадного, вековечного дерева, которые сами собою не могли быстро подгнить или

усохнуть и требовали некоторых, хотя вполне незначительных ударов... Они были без затруднения подавлены, и с той минуты до последней турецкой войны (1877-1878 гг. -И. К.) ни один возглас горских народов не донес к подножию Престола ничего иного, кроме выражения безусловной преданности к его государю и уважения к законам» (ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 682, л. 33, 34.).

Тирада принадлежит предшественникам новейшей концепции будто бы существовавшей гармонии между государством сюзерена-самодержца и счастливыми вассалами-инородцами. Но чиновники не могли все же не признавать, что в основе возмущений горцев лежал протест против захватчиков. Додуматься до умиротворяющей схемы краснодарских университетских ученых им не позволяла общеизвестная осведомленность о происходившем. Тогда так откровенно грубо фальсифицировать факты было бы просто невозможно. Иное дело сегодня.

Чтобы разобраться в проблеме, ее нужно изучать. Рекомендуем книги Цаликова Д. «Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, учрежденная в 1869 г. в г. Владикавказе» (М., 1882); Сапожникова А. «Иноверцы и иноземцы в России» (СПб., 1898); Миропиева М.А. «О положении русских инородцев» (СПб., 1901); «Съезд земских и горских деятелей. О правах национальностей» (М., 1906); «Уравнение национальных прав как основная реформа в Российском государстве» (СПб., 1909); «По инородческому вопросу» (Казань, 1911); Сидорова А. «Инородческий вопрос и идея федерализма в России» (М., 1912) и др. Обращает внимание тот факт, что ни в одном из дореволюционных изданий термина «вассал» по отношению к нерусским нет, да и быть не могло. В империи было официально установлено для всех нерусских оскорбительное прозвище «инородец». До признания «вассалами» покоренных, присоединенных народов тоже додуматься может не каждый.

Справедливым укором ратушнякам звучат слова Константина Дмитриевича Кавелина, известного историка XIX века. Его выступление «Наши инородцы и иноверцы» впервые было опубликовано в 1881 году. В 1907-м оно было переиздано в Москве, Петербурге, Киеве и Варшаве, помимо столиц, в центрах районов проживания наиболее крупного контингента инородцев: украинцев и поляков. Да, да. В романовском государстве славяне тоже относились к категории национально неполноценных. А вот немцы – нет. Тех рассматривали как представителей передовой европейской нации. Возможно, потому, что с XVIII века немецкое засилье было хронической болезнью российской

аристократической элиты. Неплохую историческую справку о нем дает, например, М. Касвинов в своей книге «Двадцать три ступени вниз».

Текст названной работы Кавелина был напечатан, очевидно, по инициативе кадетской партии, только что созданной, искавшей либерально-демократические способы решения острых социальных проблем. Кавелин писал: «В отношениях известной части русского общества к многочисленным нашим инородцам и иноверцам лежит глубокая неправда, оскорбительная для них, постыдная для нас. Она только потому не колет нам глаз, что не идеалы добра и правды, а народная и вероисповедная особенности признаются за руководящие начала нашей национальной жизни и политики. Поборники таких взглядов забывают, что инородцы и иноверцы - наши сограждане, что они наравне с нами несут имущественную и личную тягость службы в пользу Русского государства. Нельзя, не роняя своего национального достоинства, с удовольствием принимать от инородцев и иноверцев пожертвования на разные общепользные предметы, в том числе на учреждения, носящие на себе печать исповедания, которому они чужды, и в то же время гнушаться жертвователями, смотреть на них как на отверженцев, париев, терпимых лишь из милости. Будь наши иноверцы и инородцы равноправны с нами, такие к ним отношения, за которые и они платят нам нерасположением и презрением, были бы личным делом, запоздалым счетом во имя прошлого; значение их смягчалось и нейтрализовалось бы идеей для всех одинаково справедливого, равно беспристрастного государства, возвышающегося над всеми, без различия племени и исповедания. Но когда закон ставит различия между подданными по вере и происхождению и больше покровительствует одним, чем другим, рознь племен и вер, данных историей, возводится в принцип, оскорбляющий нравственное чувство и продолжающий искусственно то разобщение, которое надо стараться как можно скорее забыть.

Невольно при встрече с нашими инородцами и иноверцами приходится краснеть, вспоминая бесцеремонное, подчас возмутительно-циничное с ними обращение нашей братии, – так мало в нем национального самоуважения! Лично для нас с мыслью о русском народе и русском государстве неразрывно связаны самые светлые мечты, самые гордые надежды. Мы бы страстно хотели влить нашу веру, нашу любовь, наши надежды и в тех, кого исторические судьбы соединили с нами навсегда в одно нераздельное политическое тело; но слово застывает на губах, сердце сжимается, мысль теряет свой размах, когда подумаешь, что тот, к кому мы обращаемся с горячим убеждением, может принять его за

горькую насмешку или за пустозвонное национальное шарлатанство. Он может сказать или подумать: «Прочь, жалкий фантазер! Посмотри, что делается, и приходи с твоими высокопарными мечтами, когда на государственном и народном русском знамени будет написана полная равноправность веры и народов. До тех пор все твои слова – пустые фразы» (*Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. М., СПб., Киев, Варшава. 1907. С. 12,13.*).

Далее нельзя не остановиться еще на некоторых аспектах, имеющих касательство к нашей полемике. Как отмечалось, Ратушняк и его коллег коробит обидный термин «империя - тюрьма народов», как будто бы противоречащий научному историзму. Можно прибегнуть к другим, более современным фразеологизмам. Для влачивших жалкое существование, вымиравших малых народов старая Россия пусть была не «тюрьмой», а концентрационным лагерем для военнопленных, презираемых и угнетаемых. Ее правительство и высшие слои, присоединив их, за всю историю никогда ничего доброго для них не сделали, но фактически выступали только в роли надзирателей и съемщиков налогов с покоренных «дикарей», «гололобых азиатов» (выражения из официальной газеты «Кубанские областные ведомости»).

Для подтверждения своих домыслов Ратушняк с коллегами даже прибегает к В. И. Ленину, который «обратил внимание на то, что, несмотря на большое военно-стратегическое значение Северного Кавказа, как рынок сбыта и источник сырья для российской промышленности регион начинает использоваться только с последних десятилетий XIX в.». А до того Кавказ был «как бы колония русского капитализма» (*Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратушняк В.Н. Указ. соч. С. 35.*). То есть Ленин заявлял, что Кавказ не колония, а только «как бы». Но у Ленина есть и другие определения: «...степные окраины были в пореформенную эпоху **колонией** центральной ... Евр. России» (*Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 253, 595.*); «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран...» О «военно-стратегическом значении Северного Кавказа» в статье Ленина «Еще к вопросу о теории реализации», на которую ссылаются профессора, нет ни слова. То есть это очередной домысел. Он приведен по старой традиции Ф. А. Щербины, как бы с само собой разумеющейся оговоркой.

Ленин оперировал экономическими категориями становления капитализма. Но ограбление завоеванных народов, как мы видели, началось немедленно, уже в ходе их покорения, то есть до

распространения на кавказскую периферию товарно-денежных отношений. Учитывал ли это Ленин? Ведь названную статью он написал в марте 1899 года в ссылке, в тех самых местах, где разворачивалась драма сибирских инородцев.

Что имели в виду университетские профессора, заявляя: «Россия проводила на своих окраинах не национальную, а социальную ассимиляцию...»? Как можно в национальных районах что-либо «проводить», не касаясь национальных отношений, тем более, что таковые составляют часть понятия «социальное»?

Не входит ни в какие ворота также заявление о том, что инородцы «получали гарантии военной защиты». Какие зарубежные супостаты угрожали колонизированным, угнетенным горцам, бурятам или удмуртам? Всех их нужно было защищать прежде всего от злейшего внутреннего врага – царского самодержавия, олицетворяемого им убудочного общественного устройства, жертвой которого было все трудовое население страны, в том числе русский народ, который, глубокомысленно утверждают Ратушняк и К°, «не был народом-господином, ибо нес бремя крепостного права и основной груз воинской повинности». Вот уровень теоретических воззрений ученых мужей, которым доверена подготовка новых поколений российских и кубанских историков!

* * *

Нет на Кавказе более острой историографической проблемы, чем история Кавказской войны. Ее истолкования затрагивают местное население, интеллигенцию как ни один другой вопрос из прошлого. Можно безошибочно сказать: корни многих сегодняшних явлений в сфере межнациональных отношений на кавказском Юге России лежат в воспоминаниях о той войне. Поэтому интерпретации ее сущности имеют исключительную социальную значимость, должны быть честными и ответственными.

Рассмотренные выше псевдотеоретические пассажи группы краснодарских вузовских преподавателей нужны были им, чтобы отстаивать свою позицию в вопросе о Кавказской войне, а именно: извратить правду о ней, замаскировать страшную действительность той войны, обелить царскую военщину, в том числе сословное казачество, принесших неисчислимы страдания кавказским народам.

Остановимся на умозаключениях наших оппонентов.

Их центральный тезис состоит в отказе признать факт геноцида имперского государства по отношению к западным адыгам. Они считают: «Геноцид предполагает наличие сознательной цели истребления отдельных групп населения только за принадлежность к определенным этническим, расовым, религиозным или иным группам... Между тем борьба в ходе Кавказской войны велась лишь против тех, кто не хотел сложить оружие и подчиниться самодержавию» (Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратушняк В. Н. Указ. соч. С. 39.).

Конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 года) понимает под геноцидом «действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично к.-л. национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, а именно: убийство членов такой группы, причинение им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; предумышленное создание условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение таких групп...» (БСЭ. М., 1971.Т. 6. С. 244.). То, что сотворили русские завоеватели против адыгов, полностью соответствует этому международному правовому акту.

Имперской формулой войны на Северо-Западном Кавказе был его захват. Причем впервые в российской истории ставилась задача присоединения новых территорий без их коренного населения, то есть очищение захватываемых земель от испокон веков проживавших на них адыгов, заселение их русскими, в первую очередь казаками, или, как говорилось в обращении Александра II , «христианским населением».

Цель определила характер действий. Колонизаторы вели войну со всем адыгским народом, а не только с теми адыгами, которые «не хотели сложить оружие»: все адыгское население стремилось остаться на своей родине и оказывало посильное сопротивление захватчикам. Это сопротивление не могло быть сломлено без разорения аулов и убийства части их жителей.

В 1832 году в поэме «Измаил-Бей» М. Ю. Лермонтов нарисовал типичную картину погрома и насилия:

Горят аулы; нет у них защиты,

Врагом сыны отечества разбиты,

И зарево, как вечный метеор,

Играя в облаках, пугает взор.

Как хищный зверь, в смиренную обитель

Врывается штыками победитель;

Он убивает старцев и детей,

Невинных дев и юных матерей

Ласкает он кровавою рукою...

Классическая русская литература была честна перед настоящим и будущим.

Участником боевых действий на Кавказе был Л. Н. Толстой. Свои наблюдения он использовал в повести «Хаджи-Мурат». Великий писатель свидетельствовал: «Аул, разоренный набегом, был тот самый, в котором Хаджи-Мурат провел ночь перед выходом своим к русским. Садо, у которого останавливался Хаджи-Мурат, уходил с семьей в горы, когда русские подходили к аулу. Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина, служившая во время его посещения Хаджи-Мурату, теперь в разорванной на груди рубахе, открывавшей ее старые, обвисшие груди, с распущенными волосами стояла над сыном и царапала себе в кровь лицо и, не переставая, выла. Садо с киркой и лопатой ушел с родными копать могилу сыну. Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгой палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся из своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших. Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть, и мулла с муталимами очищал ее.

Старики-хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения.

Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить со страшными усилиями все с такими трудами заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или противно религиозному закону и чувству отвращения и презрения к русским покориться им.

Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи, и тотчас же принялись за восстановление нарушенного».

Небольшая главка Л. Н. Толстого убедительнее десятков пухлых томов, которые попытались бы оправдать колонизаторов. Из доклада самодержцу «Кавказ в течение двадцатипятилетнего царствования Государя Императора. 1855-1880»: весной 1860 года «все эти отряды соединенными силами проложили широкие просеки по избранному направлению и по окончании этих работ общими наступательными действиями очистили от неприятельского населения все пространство между реками Абином и Азипсом, причем также сделано было несколько движений в ближайшие горные ущелья для рекогносцировки края и для истребления аулов, ближайших к просеке» (*ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 682, л. 24 об. 25.*). Сам тон этой рядовой констатации показывает, что царь, его генералы, чиновники хорошо представляли, что делали на Кавказе. «Неприятельские аулы», «неприятельское население» – термины, типичные для русских документов той поры. Сегодня опубликовано много материалов, поведавших о ранее скрываемых зверствах.

В черкесских субъектах Российской Федерации - Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии – печатаются и широко распространяются материалы о Кавказской войне. Это факты, почерпнутые из дореволюционных публикаций, из фондов Центрального государственного военно-исторического архива. Вот некоторые выдержки: «Царская Россия вела против черкесов неравную, жесточайшую войну, направленную на захват их земель, но без

аборигенов. «Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на плоскость под управление наших приставов, непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию. Число последних простиралось до 300 тысяч душ, но главная масса их была переселена при содействии нашего правительства в 1864 г.». О жестокости русских колонизаторов, о массовом насильственном переселении черкесов в Турцию, опустошении их земель русский историк А. П. Берже писал: «Выселение черкесских племен как военная и политическая мера началось в 1862 году, когда 10 мая состоялось утверждение постановления Кавказского Комитета о переселении горцев. Происходил открытый грабеж сильным слабым. Первыми были выселены нутхайцы, занимавшие места в районах Анапы и Цемеза (Новороссийска). Затем приступили к выселению шапсугов и абадзехов. Русские войска сжигали поселения, а жителей теснили к морскому берегу, где их сажали на баржи для отправки в Турцию. Многие баржи тонули в открытом море вместе с выселяемыми. В 1864 году Северо-Западный Кавказ фактически лишился почти всего коренного населения. Примерно около 120—150 тысяч черкесов были выселены на указанные русским правительством места, а около 1 500 000 «добровольно переселились в Турцию».

Что-то до прихода русских колонизаторов массового добровольного переселения жителей адыгских аулов в Турцию не наблюдалось. «Добровольное переселение» – это выражение из царских документов. Выселение горцев Северо-Западного Кавказа – насильственный, грубый и жестокий акт самодержавия, который неотвратимо влек за собой тяжелейшие последствия для выселяемых.

Между прочим, план одного из палачей адыгского народа, русского генерала Евдокимова, по переселению горцев в Турцию предусматривал и переселение тех жителей Кубанской области, которые изъявили покорность России: «Уменьшение вредного (?!) народонаселения избавили нас от многих хлопот... Что же касается угрозы, будто уйдет все народонаселение, то если бы это и совершилось, так оно бы, кроме удовольствия, принесло бы нам еще существенную пользу». «Колонизация в политике царской России играла важную роль... К середине XIX в., еще до окончания войны, казачьи войска захватили у адыгов 43 % самых плодотворных кавказских земель... На Северном Кавказе казаки обогащались... Царское правительство щедро наделяло адыгскими землями тех, кто разорял страну адыгов... Адыги, вина которых заключалась лишь в том, что они жили в своей стране, физически

уничтожались или переселялись в Турцию» (Дзуев Гумар. *Бухгалтерия геноцида. Статистика насильственного выселения западных адыгов в Турцию // Нарт. Учредитель: Международная Черкесская Ассоциация. — 1993. — апрель. №14(24).*).

Упоминание о палачах адыгского народа весьма уместно. Да, Н. И. Евдокимов был одним из них. В Государственном архиве России есть прекрасно сохранившийся альбом фотографий героев войны на Кавказе – многих генералов. Но личность Евдокимова исключительна. Сын солдата, нигде не учившийся, он 17-летним парнем пошел служить в армию и сделал карьеру благодаря войне с горцами. Быстро выдвинулся, проявив себя находчивым, решительным, беспощадным. В 1850 году, 46 лет от роду, назначается командиром 2-й бригады 19-й пехотной дивизии и начальником правого фланга Кавказской линии. Был главным сподвижником А. И. Барятинского при покорении Восточного Кавказа. В 1860 году становится начальником войск при захвате Западного Кавказа. Награжден чином генерал-адъютанта, графским достоинством. Только два человека – наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич и Евдокимов за завершающие операции войны были удостоены самой высокой награды - ордена Георгия, святого великомученика и победоносца 11-й степени (орден Георгия 1-й степени за Кавказ не получил никто. Видимо, царям было стыдно. За всю историю старой России этим орденом награждено всего 19 человек, в том числе П. А. Румянцев, Г. А. Потемкин, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, М. Б. Барклай-де-Толли. Последним - великий князь Николай Николаевич (старший), командовавший Дунайской армией в русско-турецкую войну 1877-1878 годов).

В именном послании царя Евдокимову говорилось, что он награждает за «представленное вами в 1860 году и одобренное Нами предложение о способе действий для скорейшего окончания войны на Западном Кавказе, которое увенчалось ныне блистательным успехом, превзошедшим даже ожидания Наши, быстрым достижением цели, доказывающим основательность принятых по соображениям вашим мер. В три года времени умиротворенный и совершенно очищенный от враждебного Нам туземного населения Западный Кавказ уже в большей части своей занят прочно водворенными русскими населенными, и долговременная, кровопролитная война окончена, избавляя Государство от огромных жертв, в течение полутора лет его обременявших, и доставляя ему обширный и богатый край, который со временем, несомненно, с избытком вознаградит эти прежние пожертвования».

Документ опубликован в книге «Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Составлен по архивным документам А. Л. Гизетти. Под ред. генерал-майора Потто». (Тифлис, 1901). Он очень красноречив. По статуту ордена Святого Георгия, учрежденного в 1769 году, его получал тот, кто «лично предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение». Евдокимов с противником, имевшим значительные силы, не сталкивался. В нарушение положения об ордене он награждался не за руководство войсками в бою, на войне, а за предложенный план расправы с адыгскими племенами и его осуществление. Для нас небезынтересно, что император не упомянул ни словом о «геополитических» расчетах, но недвусмысленно выразил надежду, что вновь обретенный богатый край возместит «с избытком» понесенные империей затраты, то есть станет источником материального обогащения. Вот так «бескорыстие» самодержавной власти, которое энергично отстаивают Ратушняк и др.

И, пожалуй, самое интересное. Официальное обращение императора лишней раз четко указывает на главного палача адыгов. Им был сам царь Александр II. От него исходили прямые указания его подручным об «очищении» Кавказа «от враждебного Нам (то есть ему, императору) туземного населения». Яснее не скажешь. В июне 2005 года в Москве восстановлен памятник Александру II. Теперь обвинить его в организации геноцида адыгов будет вообще едва ли возможным.

Помимо отмеченной в наших библиотеках, сохранились другие раритетные книги: «Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. 6 декабря 1862 г. - 6 декабря 1872 г.» Тифлис, 1873; Потто В. «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях». СПб., 1887. Т. 1.; Гизетти А. Л. «Хроника Кавказских войск». В 2 частях. Тифлис, 1896; Чернявский. «Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II. 1855-1880. Исторический очерк». СПб., 1898; Гизетти А. Л. «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801-1885 гг.» Тифлис, 1901; Билев Г. К. «Хроника Кавказских войск. Первое продолжение. 1895-1908». Тифлис, 1908; «Всепоподаннейший отчет за 8 лет управления Кавказом генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова». СПб., 1913; Любимов

С. В. «Дворянские роды, внесенные в родословную книгу Кавказской области (1804-1825)». М., 1913, и др.

Эти и подобные издания, по словам Ратушняка и других, «более свободны в выражениях своих суждений», обычно изображали события так: «Словом, в течение последних четырех лет Кавказской войны было водворено 14 396 семейств в 111 станицах (Закубанья. -И.К.). Русское племя, заняв все ущелья по северной стороне Главного хребта, спокойно возделывало землю, и русская песня заменила звуки неприятельских выстрелов...» (*Дубровин Н. Ф. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825- 1864 г.). Без указания места и года издания. С.414.*) О слезах и крови адыгов, обильно оросивших покинутые ими земли отцов, дореволюционные авторы не писали. Их такая «мелочь» не трогала. Ведь они были завоевателями-победителями...

В «Хаджи-Мурате» Л. Н. Толстой рассказал о трагедии чеченского аула. Но туда русские совершили всего лишь набег. Адыгам же приходилось значительно хуже. В самом деле, куда должны были идти оставшиеся в живых женщины и дети, старики после истребления в 1860 году их селения, чем кормить детей, где ночевать? Тогда до выселения оставалось еще два года. Страшно представить себе, какой ужас пережили обреченные люди...

В 1999 году президент Международной Черкесской Ассоциации Борис Акбашев с горечью подчеркивал: «Если о войне имама Шамиля говорили в разное время и по-разному, но говорили, писали, дискутировали, издавали статьи и книги, то о войне, которую вел царизм на Северо-Западном Кавказе, войне, в результате которой от 3 миллионного черкесского народа осталась едва двадцатая часть, просто молчали....Трагические последствия войны против черкесов (адыгов и абазин), жителей Центрального и Северо-Западного Кавказа, не стали достоянием общественного сознания россиян... В школьных и вузовских учебниках жестокая, бесчеловечная война с населением Центрального и Западного Кавказа преподносится как справедливое и героическое деяние царской армии... Война ...нанесла по абазо-адыгскому этносу удар колоссальной силы. Огромные людские потери и массовые депортации поставили один из самых многочисленных народов Кавказа на грань исчезновения» (*Акбашев Б. Х . Современное состояние черкесского (адыгского и абазинского народа), его проблемы и чаяния. Доклад на заседании «круглого стола» в Министерстве национальной политики РФ // Жизнь национальностей. 1999. № 2, 3. С. 50, 51.*)

Против очевидных фактов жалким лепетом выглядят адвокатские рассуждения оппонентов. Они вопрошают: почему выселение не было применено царизмом «по отношению к народам Дагестана и Чечни, которые оказали более организованное и более мощное сопротивление русским войскам, нежели другие народы Кавказа? Очевидно, что основные причины выселения адыгов нельзя сводить... только к политике царского правительства». Как тонко закручено! С уверенностью скажем: массовых выселений «других» не было явно не из соображений гуманизма к побежденным. Поставим другой вопрос: а почему не выселялись мусульманские народы Закавказья? Например, с территории современного Азербайджана. Если бы там в XIX веке оставили одну двадцатую часть коренных жителей, как это сделали с адыгами, мы не имели бы сегодня азербайджанской нации. Ей не из кого было бы развиваться. Ответ на глубокомысленный ратушняковский вопрос долгих поисков не требует. Земли, выходящие к Каспию или находящиеся во внутренних районах Кавказа, столь большого интереса для царизма, как земли адыгов, включавшие практически все юго-восточное побережье Черного моря, не представляли. Адыги были обречены тем, что тысячелетия жили в районе, береговую черту которого царизм спланировал сделать продолжением на юг западной границы империи. И почему в связи с этим «основные причины выселения адыгов нельзя сводить только к политике царского правительства»? К чему же еще их сводить? Далее. Оказывается, «еще до революции адыги получали образование в Петербурге». Не худо бы помнить, что письменность для адыгов была создана только Советской властью. Еще: «царизм не пытался расселить адыгов по России, и они сохранились как этнос. Но полностью бесправные адыги (например, не могло быть и речи о выдаче им паспортов) были лишены возможности покинуть отведенный им район. Переселять же их еще и отсюда даже для царского правительства было лишено всякого смысла. Как этнос адыги сохранились не благодаря, а вопреки царизму. «Надо подчеркнуть, - заявляет группа Ратушняка, - что они были не истреблены самодержавием (это было бы геноцидом), а выселены» (*Авраменко А. М., Матвеев О. В., Матющенко П. П., Ратуш-няк В. Н. Указ. соч. С. 40, 41.*) . Но чем иным, как не «создание условий, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение» (определение международной конвенции о геноциде) народа, было тотальное выселение черкесов с родной земли?

Университетские преподаватели считают, что «практически все узловые проблемы Кавказской войны являются дискуссионными». Кроме одной, которая в дискуссиях не нуждается: той, что царской Россией было совершено чудовищное преступление против человечности – геноцид адыгов – коренного населения Северо-Западного Кавказа. Как этот

неопровержимый факт ни разьяснять сопутствующими соображениями, смягчать или оправдывать заверениями о последующей цивилизующей роли России на юге, своим оскалом неприкрытого зверства он навсегда остался самым грязным, зловещим и нелицеприятным не только в колониальной, но и во всей классовой помещичье-буржуазной государственной политике. Воспоминания о нем не могут не ранить национальное сознание наших сограждан, будут вечно будоражить память адыгов: «Нет истории печальнее, более трагичной, чем история адыгского народа, подвергнутого неслыханному ранее геноциду, разоренного, насильственно изгнанного с родных земель. Нет истории драматичнее истории моего народа, лишенного независимой государственности и рассеянного почти во всех странах мира. Нет народа более несчастного, чем мой адыгский народ, остатки которого поставлены на грань утери родного языка. Нет более мужественного и в то же время более благородного, более спокойного, чем мой адыгский народ. Миллионы моих собратьев, лишенные Родины, скитаются по всему миру. Нет другого народа, у которого отнята даже национальная одежда, оружие и другая атрибутика и присвоена теми, кто подверг народ геноциду» (Дзугев Г. *Указ. соч.*). Можно ли быть глухим, равнодушным к такому крику сердца?

У университетских же преподавателей эмоциональность совсем другая. Они признают «трагедию героического народа», которую «не вернуть и не переделать... Между тем находятся горячие головы из «Адыгэ Хасэ», которые призывают русский народ покаяться в «злодеяниях царизма» (взяв последние слова в кавычки, Ратушняк и К°, видимо, хотят подчеркнуть, что злодеяний у царизма не было). Известна нравственно-правовая формула: дети за родителей не отвечают, а тем более за далеких предков.

Но мы, русские, живущие сегодня, детьми царизма никогда не были, и считать себя таковыми было бы для нас величайшим позором. Мы, бывшие советские люди, гордимся тем, что наши подлинные деды и отцы уничтожили гнусности царизма и всего строя надругательства над народами, создали общество, основы которого живительно питают все лучшее, что имеется у нас.

Во-вторых, конечно, мы не несем непосредственной ответственности за то, что творилось когда-то. Но мы **обязаны** дать всему нравственную оценку. Мы привычно славим, например, военные подвиги наших предков, защитников Родины. И почему мы должны закрывать глаза на

постыдные страницы прошлого? Зачем тогда существует историческая наука, если она фактически отказывается учесть весь опыт пережитого?

Переделывать историю никто не призывает и не собирается. И русский народ к покаянию за грех царизма не зовут. Выражения адыгов гораздо корректнее и нравственно чище, рациональнее, чем их представляют краснодарские преподаватели. Из вышеприведенных публикаций – Б. Х. Акбашев: «Мы сознаем, что трагедия черкесов в отличие от депортаций советского периода — это беда, за которую не с кого спрашивать. Не вернуть убитых, умерших от холода, голода и болезней, утонувших в море во время скорбного изгнаннического пути. Не возратить материальных потерь – сожженных селений, вырубленных садов, вытоптанных посевов, разграбленных предметов материальной и духовной культуры... И если мы говорим о суровой правде Кавказской войны, трагическом исходе наших соотечественников, то делаем это не для возбуждения негативных настроений, а из необходимости заявить о правде истории для современников и потомков, какой бы суровой она ни была. Каждый из нас – представитель определенной национальности, культуры, языка, но вместе с тем мы представители единого, многонационального народа России, и это в конечном итоге главное. Г. Дзуев: «Мы не обвиняем тех, кто сегодня живет рядом с нами, за то, что история была жестока и несправедлива к целому народу, но мы хотим исторической справедливости и от них, кто рядом с нами сегодня делит наши общие заботы, и используем свое право сказать правду, какой бы она горькой ни была».

Почему бы нам, русским кубанцам, ставропольцам, жителям горских субъектов Федерации, не стать рядом с адыгами, не высказать наш общий вердикт о жестокостях давней войны?

Президент Адыгеи Х. М. Совмен в 2006 году спросил у автора этих строк: «Почему на Кубани ставят памятники царским генералам, которые убивали адыгов?» Я ответил: «Моя позиция известна, спросите у нашего губернатора, вы ведь с ним из одной партии». Хазрет Меджидович сказал: «С Ткачевым договориться невозможно». Думается, потому, что наш молодой, энергичный, талантливый администратор в вопросах истории находится под шармом влияния таких теоретиков и практиков возрождения казачества, как Ратушняк.

Рубеж прихода III тысячелетия стал эпохой всемирного движения к новой нравственности и новому гуманизму (Б. Х. Акбашев). Увы, у разных народов были периоды истории, вызывающие в памяти сожаление. За

давние грехи устами Иоанна Павла II покаялась даже такая консервативная организация, как католическая церковь. За гитлеровский расизм и преступления фашизма принародно просили прощения политики современной Германии. Разве можно было без волнения слушать выступление канцлера Германии Г. Шредера, сына погибшего в Советском Союзе солдата вермахта, приехавшего в Москву, чтобы вместе с нами отпраздновать 60-летие Великой Победы над гитлеровской Германией? А вот наш великороссийский шовинизм, да еще сцементированный новейшей редакцией православия, непробиваем.

Вот как Ратушняк с соавторами заканчивает свое выступление: «Русскому народу нечего стыдиться своего прошлого, под его державной рукой 140 народов и народностей сохранили свою самобытность, а многие и свой этнический генофонд».

У русского народа никакой другой «державной руки», кроме замшелой помещичье-буржуазной монархии, сила которой веками всецело опиралась на эксплуатацию крепостного крестьянства, угнетенных народов, позднее -трудящихся рабоче-крестьянских масс, не было. И эта «державная рука» для народов страны не только ничего хорошего не сделала, а обрекла их на жалкое существование. Подумать только, ведущие кубанские ученые-историки выставляют заслугой царизма то, что при нем многие народы сохранили свой этнический генофонд! Но случилось это не при отеческой заботе царского правительства, а наперекор его усилиям, направленным на то, чтобы уморить целые народы.

Кого, выдвигая свою концепцию с научных позиций историзма, пытается выгородить, обелить дружный напор наших оппонентов? Русского царя, его присных, генералов, офицеров, попов государственной православной церкви, призывавших к расправе над заклятыми нехристями-магометанами? Во имя чего это делать? Царя и помещиков, видимо, не вернуть, как и сословные порядки. Зачем же выставлять себя как бы моральным сторонником монархии и монархизма, соучастником их преступлений? Нам видится здесь только одна актуальная реальность. Идеологу возрождения казачества Ратушняку важно доказать (или иметь в виду) только положительную оценку прихода казаков на Кавказ, оправдать их колониальное насилие интересами русского народа, скрыть участие казаков в геноциде черкесов. Но разве это возможно? Ведь факты вопиют. Даже на восстановленном недавно памятнике 200-летию Кубанского казачества начертаны слова из императорского рескрипта, напоминающие о роли казаков в «умиротворении» края. И совсем не

случайно на открытии этого памятника не было ни одного представителя Республики Адыгея. Но, может быть, они поленились или не смогли? Вовсе нет. На открытие памятника А. С. Пушкину в Краснодаре приезжала представительная делегация наших соседей-адыгов. Памятник А. С. Пушкину стоит в Майкопе. А вот памятники царским казачьим войскам в столицах адыгских республик маловероятны.

Скрыть правду о геноциде невозможно. В адыгских республиках воспоминания о нем живут, обрастают новыми подробностями, вызывают повышенный интерес. Особой болью память о трагичном, кровавом прошлом звучит 21 мая, в каждую очередную годовщину окончания Кавказской войны. Этот день стал траурной датой для многих людей. Таким образом, геноцид давным-давно признан главной инстанцией – массовым сознанием коренного населения, да и значительного числа русских. Он остается непризнанным только формально политическим руководством России и послушными ему местными администрациями. И, видимо, официальное признание того, что не признать нельзя, произойдет не скоро. Руководство страны (и советское, и «демократическое») можно понять: уж очень страшным было совершенное насилие. «Верхи» опасаются, что с признанием факта геноцида местному русскому населению будет не очень комфортно. А оценки усилий кубанского казачества по колонизации края примут зловещий оттенок, девальвирующий блеск славы его главной гордости – заслуги в освоении новых земель, охране введенных на них порядков. Но рано или поздно правду сказать придется.

Фраза Ратушняка и других о том, что русскому народу де нечего стыдиться своей истории, о его «державной» руке – не более как фанфаронское пустозвонство. Опасность его в безответственности, фактически ведущей в тупик кондового национализма, лишаящей историческое знание смысла, который в конечном итоге состоит в том, чтобы способствовать не разобщению, а укреплению единства народов нашего региона в их общем деле - достижении нового уровня прогресса.

Величайший патриот России Л. Н. Толстой, участник Кавказской войны, офицер русской армии, видел, отлично понимал и переживал трагедию горцев. Много лет спустя после войны он счел долгом оставить потомкам действительную картину наблюдавшегося им, указать на мерзость поведения царской военщины, чем пошел против тогдашней официальной интерпретации проблемы. Ратушняк же за царя-батюшку не стыдится.

Если бы я знал, что мой прадед убивал детей горцев ударом штыка в спину, грабил жалкий скарб их жилищ, поджигал их селения, мне было бы стыдно до слез, и я готов, став на колени, просить прощения за тяжкий грех у моих сегодняшних сограждан-горцев, хотя осознаю, что такие преступления срока давности не имеют. Они в высшей степени безнравственны и бесчеловечны. Но позиция современных черкесов, других северокавказских народов мудра, абсолютно прозрачна и понятна. Русским людям, в том числе ученым, осталось всего-навсего шагнуть ей навстречу. Тогда воздух нашего кавказского общежития стал бы намного чище, а связи между народами продуктивнее.

Рассмотренная статья-доклад А. М. Авраменко, О. В. Матвеева, П. П. Матющенко, В. Н. Ратушняка, авторитетных ученых ведущего вуза Кавказа, к мнению которых прислушиваются не только в регионе, называется «Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма». Мы убедились, что научного в этом выступлении прискорбно мало. По нашему мнению, его следовало бы назвать «Об оценке Кавказской войны с антинаучных позиций фальсификаторства».

* * *

Теперь о моей книге «Кубанское казачество» и некоторых поднимаемых в ней проблемах. Не приводя ее названия, Ратушняк упрекает меня только в том, что он «считает, что казаки были активными проводниками реакционной царской политики на Северном Кавказе», что на рядовых казаков «якобы сильно действовал монархический яд. Казачьи же офицеры пили эту сивуху с упоением». И это все, чем запомнилась моя монография оппоненту. Любое серьезное исследование достойно большего внимания.

В моей книге многое можно уточнять, в ней есть досадные редакционные погрешности, но я рассчитываю, что читатели, в первую очередь молодые историки, увидят в ней прежде всего объективные принципиальные подходы к изучению казачества. Странно, что эта важнейшая содержательная сторона не привлекла внимания оппонента. А может быть, ему нечем ответить? Эту ситуацию я считаю наиболее вероятной. За прошедшие после выхода книги двенадцать лет нынешние «возродители» вполне могли бы написать и издать новую обобщающую историю казачества работу. Но почему-то этого не сделано до сегодняшнего дня. Почему - догадаться нетрудно.

Будущему историку казачества, который изберет действительно научную методологию анализа прошлого, полезно учитывать ряд позиций, имеющих в моей книге. Назовем некоторые из них.

- Необходимо различать казачество самобытное, вольное, и казачество, привлеченное на службу царским государством, ставшее частью его послушных силовых структур. Соответственно различать народные традиции, родившиеся в вольном казачестве, и те из них, которые были сохранены и преумножены царизмом в интересах сословного оболванивания казачьих масс.

- Видеть последовательные ступени развития статуса казачества в системе царской государственности от иррегулярной пограничной службы до войсковых сословных обязанностей.

- Изучать этапы и содержательность формирования царизмом казачьего войскового сословия, государственные функции, которыми сословие было наделено в разные периоды, осуществление этих функций.

- Важнейшим является вопрос о сущности казачьего землевладения и войсковой латифундии и личного паевого землепользования казака.

Несомненно, по происхождению и правовому положению казачья земля являлась разновидностью российского вотчинного владения, что не просто сближало ее с землевладением помещичьим, но придавало всей системе войсковой сословности особый, феодально-служилый смысл.

- Знать и учитывать особенности взаимоотношений казаков внутри станичного общежития, роль казачьей общины, созданной и контролируемой царским правительством.

- Нужно уделить самое пристальное внимание экономической жизни казаков, особенно в период становления и развития капиталистических отношений, чтобы увидеть совокупность острейших социальных противоречий в станице накануне революционных потрясений.

- Учитывать разнообразные факторы внеэкономического сословного принуждения, в котором царским государственным аппаратом были умело использованы древние народные традиции казачества.

- Изучать особенности организации и несения военной службы казаков, их участие в войнах, их привлечение к расправам с освободительным движением.

- Анализировать социальную дифференцированность казачества, причины раскола его на сторонников и противников революционной борьбы.
- Продолжать изучение поведения казаков в революции и гражданской войне, в рядах Красной Армии и белогвардейских формирований.
- Рассмотреть разные стороны антисословной политики Советского государства по отношению к казакам, историю «расказачивания».
- Изучать историю жизни казаков при Советской власти, их судьбы в годы нэпа, коллективизации станицы.
- Знать и учитывать положение казаков, ушедших с остатками белых армий в эмиграцию.
- Изучать политику большевистской партии и Советского государства в области использования народных казачьих традиций в кавалерии Красной Армии.
- Особую значимость имеет тема казачества в Великой Отечественной войне, подвиги советских казаков и поведение казаков, пошедших служить немецко-фашистским оккупантам.
- Знать о затухании казачьих традиций в СССР в послевоенный период.
- Оценивать инициативы любителей казачества и казачьих традиций в годы перестройки.
- Изучать особенности станичного быта, казачий фольклор.

Отмеченные направления осмысления истории казачества в моей книге оценки Ратушняка не получили, а было бы весьма интересно их выслушать. Ратушняк счел нужным всего лишь заметить: «...Если Щербина с проказачьих позиций рассматривал проблему чисто событийно, то его нынешний оппонент (то есть Куценко. - *И. К.*) - с позиций соответствующей идеологии».

Какой оригинальный прием аналитической мысли! -удивимся мы. Но что это за проказачьи позиции, намек на соответствующую идеологию (уж не опасную ли коммунистическую? - *И. К.*). И разве у меня нет чисто событийных описаний? Зачем же лишать идейности Щербину? Она-то у него присутствовала всегда, только была очень уж своеобразно замаскированной. До такой степени, что Ратушняк никак заметить ее, а тем более вникнуть в нее не может, Приходится помочь оппоненту.

Щербина, всячески маскируя царскую войсковую сословность, ее функциональность, отстаивал первопричину существования казачьего войска – помещичье-буржуазный строй и самодержавие. И позиции у него соответственно были вовсе не проказачьи, а пробуржуазно-помещичьи, выступающие в казачьем мундире. А я, изобличая реакционность царской антинародной казачьей политики и сословной организации старого казачества, выступаю против монархии, показывая ее подлинную роль и обреченность. Если в этом видеть идеологию, то что же; тогда называть здравым смыслом? В указанном противостоянии заключена вся подоплека историографического столкновения.

Ратушняку следовало бы также высказаться (принять или не принять) об основных выводах книги «Кубанское казачество», а именно: о губительной роли для казаков и всего российского народа самодержавной, буржуазно-помещичьей власти; о необходимости при изучении истории казачества отказаться от антисоветской, пробелогвардейской идеологической зашоренности; о пагубности любых попыток политизированного автономного обособления казачества. Казаки становились действительно народной силой только тогда, когда сливались в одном движении с трудовым людом, отстаивали не узкие интересы своей собственной группки, а обездоленного большинства нации.

У нас были все основания для обобщения: «Казачье сословие неизменно выступало врагом освободительного движения, вооруженным защитником системы угнетения. Подобные выводы нередко с гневом отвергаются. Некоторых провинциальных ученых, считающих себя авторитетами в изучении прошлого казаков, например, коробит сопоставление дореволюционного казачества с фашистскими карательными организациями. А вот в гитлеровских пропагандистских изданиях для казаков всегда неизменно подчеркивалась преемственность царистских и белогвардейских традиций (См. *трофейные фашистские издания: журналы «На казачьем посту», «Казачьи ведомости»; «Казаки-повстанцы. Сборник статей». Без указания места издания, 1944. Фонд «Русское зарубежье» Российской государственной библиотеки.*). Захватчики не считали такое сопоставление противоестественным. И здесь они были правы.

Далеко не все из гитлеровских казаков могли похвастать запорожской родословностью. Но и этих, и дореволюционных членов сословия роднило самое главное – идентичность выполнявшихся ими функций. Давнее истребление адыгов и других горских народов, подавление революционных выступлений российских рабочих и крестьян,

ожесточенная защита белогвардейщины, совместно с фашистскими оккупантами борьба против Советской Родины – явления по сути своей однопорядковые. Это были только разнящиеся проблематикой времени формы подавления во имя одной цели – сохранения господства угнетательского меньшинства и поработителей...

Совокупность разнообразных объективных документальных свидетельств позволяет утверждать: казачье войсковое сословие было орудием классового принуждения. Прежде всего в этом и заключалась его главная социальная сущность» (Куценко И. Я. *Кубанское казачество...* С. 536, 537.).

Ратушняк обходит молчанием приведенный вывод, являющийся основным в моей книге. Но это не молчание соглашающегося в общем с аксиоматичным доказательством. Фактически в качестве альтернативы он приводит собственный унылый постулат: «Казачество - это уникальный субэтнический генофонд российского суперэтноса». И все. В этой декларации — основной лозунг возрожденчества. Справедливости ради отметим, что это вовсе не открытие Ратушняка. Ратушняку принадлежит только неологизм «суперэтнос» и введение, так сказать, в научный оборот применительно к казачеству слова «генофонд». О казачестве как особом субэтнесе много писали на страницах краевой печати в 90-е годы. Но и авторы тех выступлений не были первооткрывателями. Казачество как своеобразная этническая группа всегда рассматривалось сразу после ликвидации войскового сословия в советской справочной, научной, публицистической литературе. Такая группа подверглась детальной проработке при Всесоюзной переписи населения в 1926 году, когда воспоминание о недавнем состоянии казаков было заметным. В последующих переписях казачество не выделялось, так как быстро шли процессы нивелирования сельского населения. В словарях обычной стала информация типа: «Казак - ...уроженец некоторых областей СССР (бывших войсковых образований)» (*Словарь русского языка. М., 1982. Т. 2. С. 13,14.*). В 1967 году в Москве была издана книга «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани». В станицы выезжали на практику группы студентов-филологов, историков для выявления и сбора казачьего фольклора. Но возродительский всплеск интереса к казачеству отличается интенсивностью, и вопреки заявлениям его инициаторов он носит не только этнический характер.

Наиболее обстоятельно теоретические основы этноса разработаны Л. Н. Гумилевым. Он считает: «Объединиться в этнос» нельзя (...) этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт

самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности» (Гумилев Л.Я. *Этногенез и биосфера земли*. Л., 1990. С. 49, 60.). В свете этих замечаний логичен вопрос: «Прежде всего лозунг «Записывайтесь в казаки!» вызывал недоумение и даже неприятие у многих потомственных казаков. Почему я должен «записываться», если я казак по отцу, по деду, по прадеду? ...призывы «записываться» в казаки нелепы, как и призывы к русским людям «записываться» в русские» (Постол М. *Снова рассказывание? // Кубанские новости*. 1992. 15авг.).

Гумилев давно обратил внимание, что казаки – один из этносов: «Поморы, питерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и крестьяне степных губерний, казаки донские и казаки уральские были внешне совсем не похожи друг на друга, но народного единства это не разрушало, а близость по быту, скажем, гребенских казаков с чеченцами их не объединяла» (Гумилев Л. Н. *Указ. соч.* С. 54.).

Казачество - этнографический тип в основном русского народа. Таково, на наш взгляд, наиболее обобщенное его восприятие. Но представлять казаков только через категории под-национального недостаточно. Такая характеристика не может быть полной. Во-вторых, замечено, что борьба за национальность, этносовость чревата стремлением к несправедливым привилегиям, групповому эгоизму (Подробнее: Куценко И. Я. *Казачество: эволюция понятия. Труды Кубанского государственного технологического университета*. Краснодар, 2003. Т. 17. Сер.: *Гуманитарные науки. Вып. 2.*). Гумилев: «...Правомерно ли сказать, что в Москве живут рабочие, служащие и татары? С нашей точки зрения, это абсурд...» С нашей - тоже. «Значит ошибка кроется в постулате» (Гумилев Л. Н. *Указ. соч.* С. 51.), то есть в исходном утверждении, принимаемом за истинное. А оно ошибочно или преподносится сознательно, преднамеренно, с определенной целью ввести в заблуждение. Во всяком случае, наш оппонент, что называется, под гребенку, или, как выражается он сам, «оптом», под этнической характеристикой прячет качества с этническими ничего общего не имеющие.

Приведем пример. В упоминавшемся немецко-фашистском журнале «Казачьи ведомости» (VI - VII . 1944) на странице 9 есть фотографии кубанцев, служивших гитлеровцам. На одной – крупным планом радостно улыбающийся казак обнимает голову боевого друга – верного коня. Какой казак не любил коней! Это, несомненно, общая этническая черта. Но наш казак одет в немецкий мундир, на его левом локте на ремне висит только

что снятая немецкая стальная каска. Он вернулся с «боевого» задания, возможно, расстреливал партизан или мирное население очередной деревни, руки его, выражаясь фигурально, по локоть в крови, он – фашистский палач. Можно ли судить о нем с проказачьих позиций, приписываемых Ратушняком Щербине? Спросим у Ратушняка, современных любителей казачества: какую сторону личности этого казака принимать как определяющую? Ведь этнически он «наш, родной». Но он – злейший враг, предатель сражавшегося советского народа. Для других представителей этноса – казаков 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса - сомнений в ответе на этот вопрос не было. Они смотрели на таких «земляков» только через прорезь прицела пулемета, автомата или винтовки.

Гумилеву принадлежит глубокое наблюдение: «...Можно ли изучать эскимосов, не замечая их охоты на морского зверя, а ограничиваясь грамматическими формами глагола или представлениями о злобных духах моря и тундры? Или описывать индусов, не упоминая об их труде на рисовых полях, но подробно излагая теорию кармы и перевоплощения душ? Нет, характер трудовых процессов, потребление, войны, создание государства или падение его – такие же объекты этнографического исследования, как и свадебные обряды или ритуальные церемонии» (*Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 55, 56.*). Продолжая мысль, спросим: можно ли изучать историю казачества, только обращаясь к его быту, фольклору, сельскохозяйственным занятиям, поведению казаков на ярмарках, не обращая внимания, почему и как многие представители «уникального субэтнического генофонда» поднимали оружие против большинства «российского суперэтноса»?

Учитывая гумилевскую ориентацию, к числу этнообразующих личность казака – члена сословия и всего войска – факторов следует относить то, о чем сегодня вспоминают неохотно, с туманной оговоркой: всякое бывало. Царизм предоставлением привилегий (на землю и др.), искусственным сохранением замкнутости станичной общины за несколько веков создал и воспитал в интересах защиты помещичье-буржуазного строя противопоставленную народу мощную казачью организацию, наделенную прежде всего охранно-карательной функцией. Войско было всегда готово к выполнению любых приказов царского начальства, казаки не раз пускали в ход против протестовавших сограждан нагайки, шашки и винтовки.

Это неотвратимо и немедленно проявлялось в облике казака, который в качестве «государева слуги» привлекался к покорению новых земель или

для подавления народного недовольства. Еще А. С. Пушкин видел в казаке завоевателя: «Под буркою казак, Кавказа властелин» (*Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 524.*).

В XIX-XX веках лицо и деятельность казачества определялись не его этническим своеобразием, а насыщенностью конкретным социальным и политическим содержанием. Изучать казачество без учета того, за какое именно государство, за какую власть конкретные казаки боролись, приносили жертвы, невозможно.

Чрезвычайно показательны, что именно идею этнического своеобразия казаков приняли на вооружение немецко-фашистские захватчики. На оккупированной территории Дона и Северного Кавказа командованием немецкой группы войск «Юг» было организовано формирование казачьих воинских частей. Современный исследователь сообщает: «На протяжении сентября (1942) этой акцией занимался полковник фон Панвиц. Через месяц его назначили командующим всеми казачьими частями. Атаманами казачьих войск были избраны полковник Духопельников - донских, полковник Белый - кубанских и есаул Кулаков - терских. Для идеологического обоснования своих действий нацистами была разработана теория, согласно которой казаки являлись потомками остготов, владевших причерноморским краем во II-IV веках нашей эры и, следовательно, не славянами, а народом германского корня, «сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной». Эта теория, нелепая и фантастическая, очень понравилась Гитлеру» (*Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944. М., 2004. С.101.*).

Близкой к нацистской была еще одна теория о происхождении казаков, сложившаяся у казачьей белоэмиграции: «*Казаки* - народность, образовавшаяся в начале новой эры, как результат генетических связей между туранскими племенами скифского народа кассака (или касака) и приазовских славян меото-кайсаров с некоторой примесью асов-аланов или танаитов (донцов)» (*Казачий словарь-справочник. Т. 2 // Сост. Г. В. Губарев. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. С. 24.*).

Это определение не менее абсурдно, чем немецко-фашистское. Но знаменательно тем, что, как и некоторые нынешние российские истолкователи истории казачества, уводит в сторону от признания сословного объединения казаков накануне революции. Удивительно, но выстраивается целый ряд одного смыслового порядка:

«полузапорожества» Щербины, «туранского» объяснения белоэмигрантов, «ост-готского» - фашистов, «субэтносного» - Ратушняка.

Творцы подобных теорий, будто сговорившись, отворачиваются от сословного этапа казачьей истории. Почему? Тут причинность носит разные оттенки. Но, несомненно, главным соображением теоретиков является стремление скрыть, спрятать отталкивающий царской антинародностью характер войсковой сословности, в государственных тисках которой длительное время находились все казаки. Сословная организованность была не только в военной сфере, но, что особенно важно, в сфере хозяйственной. Являясь собственником крупных земельных площадей, располагая рядом исключительных, оговоренных царским законодательством привилегий, войско представляло собой частный, но заметный механизм вселенской угнетательской; машины империи. Причем хозяйский натиск «казаков» на рынке труда, действовавших сплоченно, на основе сословной круговой поруки против арендаторов, батраков,, по интенсивности не только не уступал соответствующим усилиям помещиков, а, вероятнее всего, превосходил их. Первым это заметил В. И. Ленин, который в своем труде «Развитие капитализма в России», анализируя формы эксплуатации сельского пролетариата, при характеристике кубанских мелких работодателей-общинников слово «казаки» взял в кавычки. И правильно сделал: «казачьего» («субэтнического»?) в тех действиях ничего было.

Эта сторона функционирования войска мной рассмотрена, но и ее не удостоил вниманием Ратушняк. Не счел нужным оставить по этому вопросу свои суждения Щербина. Между тем без учета особенностей классово-сословного угнетения трудящихся на Кубани немислимо представить остроту антагонизмов в станице, вразумительно объяснить особую жесткость гражданской войны в этом районе страны, причинность «расказачивания» Советская власть преследовала казачество не из патологической ненависти к его этническому своеобразию, а ликвидируя воспоминания о сословных привилегиях. Мы вовсе не хотим оправдывать самоуправство, грубость, оскорбления в адрес казачьих традиций со стороны красных властей, которые имели место, но стремимся разобраться, почему все это было на нашей малой родине.

В указанной связи не лишне подробнее остановиться на страничке прошлого, которую из казачьей истории никак не выбросить, - службе части казаков гитлеровским захватчикам.

«Появлению в составе вермахта казачьих частей в наибольшей мере способствовала репутация казаков как непримиримых борцов против большевизма, завоеванная ими в годы гражданской войны» (*Дробязко С. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999. С. 34.*). Первые гитлеровские казачьи части появились ранней осенью 1941 года. К апрелю 1943-го в вермахте насчитывалось около 20 казачьих полков численностью от 400 до 1000 человек каждый и большое количество мелких частей, насчитывающих в общей сложности до 25 тысяч солдат и офицеров.

В апреле 1943 года немецкое руководство отдало приказ об организации 1-й Казачьей кавалерийской дивизии, в которую наряду с другими входили два Кубанских казачьих полка и Кубанский конно-артиллерийский дивизион. Вскоре численность дивизии перевалила за 18,5 тысяч человек. Все командные должности в ней, штабы, специальные подразделения были укомплектованы немецкими кадрами. Немецкими офицерами являлись все командиры полков, кроме бывшего майора Красной Армии И. Н. Кононова, перешедшего к гитлеровцам, пользовавшегося у них доверием. Он командовал 5-м Донским полком.

Фашистские казачьи части выполняли самую грязную работу карателей. Они действовали против советских войск на Северном Кавказе, против партизан на Украине и в Белоруссии. Осенью 1943 года дивизия перебрасывается для борьбы с народно-освободительной армией Югославии: «Благодаря своей большой подвижности и маневренности казачьи части оказались лучше приспособленными к горным условиям Балкан и действовали более эффективно, чем неповоротливые ландверные дивизии немцев, несшие здесь охранную службу. В течение лета 1944 года части дивизии предприняли не менее пяти самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, в ходе которых уничтожили много партизанских опорных пунктов и перехватили в свои руки инициативу наступательных действий. Среди местного населения казаки снискали себе дурную славу. В соответствии с приказами командования о самообеспечении они прибегали к реквизиции лошадей, продовольствия и фуража у крестьян, что часто выливалось в массовые грабежи и насилия. Деревни, население которых подозревалось в пособничестве партизанам, казаки сравнивали с землей огнем и мечом» (*Дробязко С. Указ. соч. С. 42.*).

Старания гитлеровских казаков не остались незамеченными. 1 февраля 1944 года признательность своей 1-й Казачьей кавалерийской дивизии выразил лично бесноватый фюрер (*На казачьем посту. Двухнедельный*

общеказачий журнал. 1944. №19.0.2.). Тот же журнал в № 36-м от 15 октября 1944 года поведал об активном участии казаков-карателей в подавлении Варшавского восстания, при котором погибло более 200 тысяч повстанцев и мирных жителей, была полностью разрушена столица Польни. Журнал оставил также информацию о том, что в Германии имелся Кубанский казачий хор, репертуар которого, конечно же, включал песню «Ты, Кубань, ты наша родина», бывшую официальным гимном белогвардейского Кубанского краевого правительства, гимном казаков-белоэмигрантов, ставшую гимном нынешнего руководства Краснодарского края.

В глазах немцев заслуги карателей были настолько весомы, что летом 1944 года, после совещания у Гимmlера, Казачья кавалерийская дивизия была развернута в 15-й Казачий кавалерийский корпус СС, в котором насчитывалось около 35 тысяч человек. Командовал им ставший группенфюрером – генерал-лейтенантом войск СС Г. фон Панвиц. Корпус преумножил «подвиги» карателей. В марте 1945 года его казаки участвовали в последней крупной наступательной операции немцев в ходе Второй мировой войны, когда на южном фланге Балатонского выступа казаки успешно действовали против болгарских частей (*Дробязко С. Указ. соч. С. 42.*).

При изучении причин перехода на сторону гитлеровцев казаков нельзя не видеть, что он был связан не только с соображениями идейного неприятия Советской власти: «К сентябрю 1942 года в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, которая вскоре в районе Майкопа приняла участие в боях против Красной Армии. Ее название «добровольческая» весьма условно, ибо значительная часть казаков вступила в нее, польстившись на различные льготы. Их семьям выдавалось вознаграждение в 500 рублей, некоторым из них предоставлялись дополнительные земельные наделы в один га на человека и по две лошади на хозяйство. Налоги им уменьшались в два раза» (*Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 101, 102.*).

Как известно, и сегодня возрождение развивается не только как популяризация казачьего фольклора. Его инициаторы интенсивно занимаются хозяйственной деятельностью через казачий банк, казачьи магазины и др. Так, может быть, в этой мелочи частного интереса и лежит ключик к разгадыванию всей тайны выделения казачков из массы местного населения? Червь личной выгоды всегда присутствовал в поведении царского казачества, начиная с высадки Черноморского войска на «жалованные» ему земли.

Подчеркнем: в Советском Союзе казаков-гитлеровцев общественное мнение считало врагами худшими, чем были гитлеровцы-немцы: они справедливо считались изменниками, так как предали Отечество иноземному завоевателю. Об отношении к ним можно судить по боевому донесению командира 134-го танкового полка, входившего в состав 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса: «Комкору т. Кириченко. 11.00. 20.1.43. Доношу. Поставленную мне задачу к исходу 19.1.43 выйти (в) Безопасное 134-й ТП выполнил. В Безопасном напал на сонных, пьяных немцев и белоказачков... Захватил 4 офицера, много немцев, а больше всего белых казаков. Всех направляю (в) корпус. Убил человек 150 казаков, до 90 немцев – сопротивлялись...» (*Центральный архив Министерства обороны, ф. 3470, ои. 1, д. 152, л. 44.*)

Казаки-гитлеровцы оказывали сопротивление советским войскам, что называется, до последнего, упорно, так как понимали, что пощады им не будет. За то, что они сотворили под фашистскими знаменами, за убитых и замученных ими советских солдат, партизан, антифашистов, за обильно пролитую невинную кровь возмездие было неотвратимо. Сейчас во многих изданиях с нотками сожаления упоминается о том, что, оказавшись после капитуляции Германии в зоне, занятой английскими войсками, десятки тысяч казаков, калмыков и кавказцев, верно служивших немцам, были насильственно выданы советским властям и их «ждали все ужасы сталинских лагерей и спецпоселений» (*Дробязко С. Указ. соч. С. 45.*)

А как следовало поступать с гитлеровскими прислужниками? Оставить их на живописных берегах Дравы, на тирольских курортах Альп или направить «после трудов праведных» загорать на пляжах Адриатики? Те ужасы, что принесли они людям, сражавшимся с нацистами, были намного страшнее сталинских. Международным военным трибуналом в Нюрнберге войска СС любого рода были отнесены к организациям, преступный характер которых не может быть оспорен. В Краснодарском крае сегодня проживают бывшие военнослужащие гитлеровских казачьих частей, отбывшие определенные советским судом сроки наказания.

Нельзя согласиться с Ратушняком, что нынешние казаки - это «уникальный субэтнический генофонд». Генофонд – мы слышим о попытках внедрить казачье воспитание в школах, готовить через казачьи организации часть молодежи к службе в армии и др.

Самым убедительным, объективным доказательством пережиточного характера казачьих воспоминаний является то, что основная масса

жителей края в новые казаки не подалась. Это результат всеобщности признания общественным сознанием необходимости уничтожения сословности вообще и казачьей в частности. С давних советских времен граждане России трудятся в общих для всех сферах, платят одинаковые налоги, на общих основаниях призываются на воинскую службу, имеют равный голос на выборах. Большинство населения своим отношением к казачьему возрождению справедливо считает, что современные проблемы нужно решать не в рамках условного социального антиквариата, а всем вместе, используя конституционные общегражданские структуры.

Вопреки заверению Ратушняка от возрожденческих казачьих начал, увы, не пахнуло освежающим и вдохновляющим ветром. Как раз наоборот, от многих их лозунгов веет царистско-белогвардейской затхлостью, призывами двигаться вспять: щеголять чинами царского времени, предлагать переименовать Краснодар в Екатеринодар, вернуть неизвестные уже целым поколениям названия отделов, да и само употребление термина «отдел» поднять на щит, реабилитировать битых белых генералов. Что это, как не нагнетание оправдывающей политизации архаичных сословных образов? Наши сограждане вправе знать, во имя чего ведется облагораживание призраков темных сил прошлого. Едва ли кто возьмется утверждать, что названные действия предпринимаются исключительно для отслеживания субэтнических сторон жизни казачества.

Видимо, о возрождении следует говорить, лишь имея в виду свободолобивые традиции старинной романтической казачьей вольницы в приложении к современному демократизму. Нынешнее казачье движение также не может не сохранять в себе великие завоевания советской эпохи: всеобщность, не только казаками и помещиками владения и пользования землей, недопустимость ее перехода в частные руки; признание гражданского равенства независимо от социального положения, национальности или вероисповедания, ориентацию на защиту интересов трудящихся. Столь же неизбежно возрождение казачества показало осязательность устоявшей против советского идейного и культурного натиска, сохранившейся цепкой обывательской отсталости у части нашего общества, которой импонирует духовное наследие исторического реликта сословности, радикально-националистические настроения, что не может не вызывать озабоченности. Возрождение казачества изменится со снятием его политизации. Тогда казачьи организации станут только своеобразным носителем и хранителем старинных, оригинальных, умных и добрых этнических черт, народного творчества.

Лидерам и идеологам современных казачьих объединений, да и всем казакам всегда следует держать в уме, что даже в Указе Б. Н. Ельцина «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» от 15 июня 1992 года, поддержавшего самобытность казачьих традиций, сказано: «...не допуская вместе с тем возврата к каким-либо сословным привилегиям...». В последовавшем спустя месяц Постановлении Верховного Совета России «О реабилитации казачества» также отмечалось, что признание казачьего движения «не означает наделения казачества какими-либо привилегиями, которые могут истолковаться как сословные». То есть уже первые акты нынешней демократической власти, во-первых, в отличие от Ратушняка подтвердили, что дореволюционное казачество было не просто и не только субэтносом, но объединенным в привилегированное, то есть поставленное над ратушняковским суперэтносом сословием. Во-вторых, в отношении царской войсковой казачьей сословной организации наше нынешнее демократическое государство полностью солидаризировалось с историческим вердиктом Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда упразднившей казачью сословность.

* * *

Разнузданный историографический шабаш стал реальностью наших дней. Он – следствие многих причин. Кроме народов бывшего СССР, нет на планете людей, которым всего за несколько десятилетий пришлось дважды переходить из одной общественно-экономической формации в другую. Причем не просто наблюдать такой переход, который у других обществ занимает столетия, но быть активными участниками создания и защиты ранее невиданных форм социальной жизни, противостоявших естественным эволюционным процессам предельным накалом абсолютного отрицания старого, установками на взятие, казалось, утопичных высот в экономике и культуре, сумасшедшими темпами развития, грандиозными результатами его, допускаясь ошибками и просчетами, огромными жертвами, которыми был не только оплачен каждый шаг нового типа прогресса, но также неизбежно сопровождалось большинство нововведений по малоутешительному объяснению: лес рубят – щепки летят.

Сегодня, как бы выбравшись из бурного, непредсказуемого потока недавнего бытия на твердый берег разумной рациональности, оборачиваясь на пережитое прошлое, многие заново испытывают боль невозвратимых потерь, глубокое разочарование, возмущение ненужной жестокостью, лицемерием и эгоизмом прорывавшихся к номенклатурной власти.

Молниеносное падение тоталитарного государственного идеологического контроля за состоянием умов явилось непростым испытанием. Общественная психология немедленно отреагировала на него единственно возможным образом: воскрешением сонма воспоминаний, далеко не всегда адекватных исторической действительности, о представлениях, верованиях, некогда отвергнутых и преследовавшихся. Ведь раз коммунизм оказался блефом, то когда-то ошельмованное на самом деле было хорошим и нужным. Такова логика стихийных массовых суждений. Воспоминания из прошлого разнолико выплеснулись вдруг в социальную жизнь, породив известную неопределенность, много острых, полемичных вопросов. Их общими чертами стали четко обозначившийся критический антисоветизм, сожаления об утраченных дореволюционных ценностях. При этом в ряду последних стали возвращаться некоторые представления ультраконсервативного и даже реакционного типа.

Важной чертой перемен в общественном сознании стал отказ от материалистического монизма. У большого числа вновь обманутых, брошенных в состояние нищеты и социальной бесперспективности осталось одно: искать справедливость в обращении к божественному провидению, так как другие рецепты обретения счастья и покоя уже были перепробованы под руководством КПСС, окончились крахом. Новые поколения, да и старые тоже хотят жить и надеяться на улучшение своего положения. Люди ищут пути для материализации своих надежд. Поиск отличается плюрализмом точек зрения, невообразимыми превращениями. Так, два преподавателя бывшей кафедры научного коммунизма Краснодарского политехнического института, бросив мирскую тщету, уехали строить «новый Иерусалим» в далекую Сибирь, под десницу «пророка» Виссариона, объявившего себя ни более ни менее как явившимся на второе пришествие Иисуса Христа. Недавно центральное телевидение разоблачило этого авантюриста. Бывший завкафедрой иностранных языков КПИ, уверовав, стал священником. Подобных примеров масса. Разлагающее влияние на российское общество оказывают грязь западной массовой культуры, зарубежные благотворительные фонды, религиозные миссионерские организации.

Могло ли происходящее в сфере духовной, интеллектуальной не коснуться историографии, ориентации творящих ее ученых? Историк в своей современности всегда имеет дело или с самыми общими итогами социальных катаклизмов (всю сложнейшую совокупность их событий, поведения в них людей не в силах воскресить ни одна историографическая школа), или чаще всего только с какими-то отдельными проблемами - избираемыми сегментами никогда

непрекращавшегося и непрекращающегося поступательного или регрессивного хода развития общества. При этом от него требуется немедленно ответить на самые жгучие на настоящий момент вопросы. Следует иметь в виду также постоянный заказ ведущих политических сил для истолкования прошлым целесообразности их действий сегодня. С переменой этих сил, понятно, меняется и содержание заказа. Но быстро соткать историческое полотно невозможно. Нужно время, чтобы были собраны факты, отстоялись последствия происходившего. Гумилев обронил справедливую фразу: «Талантливые книги по истории пишутся нечасто» (*Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 45.*).

Нельзя забывать, что ни один из ведущих отечественных историков не воспитан в чисто демократическом духе. Все они из бывших, то есть перелицованные из советских. Особую опасность для историографии представляют так называемые краеведы на местах из несостоявшихся в свое время, ныне в рядах каких-либо группировок, высказывающих свои нескрываяемо заангажированные суждения. Им присущ феномен махания руками после драки: поверженного противника уже нет, но его можно громко, безопасно продолжать поносить, зарабатывая дивиденды.

Словом, причин для историографического разногласия предостаточно. В итоге следует констатировать: историография перестроечных лет в значительной мере стала разновидностью политической публицистики. И второе, на примере творчества историков видно, что общественное сознание в сторону правды поворачивается очень медленно. По-другому в России, переживающей углубляющийся кризис, быть не может. Из выступления академика Р. Нигматулина: «По мнению Тэтчер, «Россия больна и в настоящее время, без преувеличения, умирает»... Самое трагичное - ускоренно идет деиндустриализация страны, мы теряем производительные силы. Мы не только не строим заводы, не производим новую технику, но имеющиеся заводы продолжают простаивать и растаскиваться... Второй процесс - разрушение российской нации... У нас умирает 2,3 млн человек в год, в пересчете на 100 тыс. населения **в 2 раза больше**, чем в Европе и США. В 3 раза, чем в среднем по миру, у нас больше самоубийц... Вот мнение члена-корреспондента РАН Натальи Римашевской: «То состояние, в котором сегодня находится население России, - это больше, чем тупик». ...Третий процесс - разрушение государства, повальная сверху донизу коррупция» (*Нигматулин Р. Главный инвестор рыночной экономики - сам народ // Известия. 2005. 15 февр.*). Такая информация не может быть обнадеживающей.

С падением КПСС общество дружно отвернулось от ее идеологии. Стало ясно, что быстрый приход коммунизма - очередная утопия. На свалку скомпрометированных лозунгов была выброшена вся обойма еще недавно самых авторитетных принципов - классовой солидарности трудящихся, советского патриотизма и социалистического интернационализма, признания близости грядущей пролетарской революции и др. Взамен их вместе с утверждением частной собственности и нацеленности на возможности рыночного обогащения из-за цветистой словесной драпировки демократии выглянула железная неотвратимость реально победившей, до боли знакомой истины: человек человеку волк.

Столь коренное видоизменение в обществе произошло стихийно, без какого-либо объяснения, например, в государственном послании, циркуляре Министерства образования, заявлении Академии наук, где были бы изобличены порочные идеологические установки и, возможно, проведена дифференциация: не все было в старой идеологии безнадежно. Почему бы не заявить о сохранении дружбы народов, социальной неприемлемости эгоизма, наживы за счет безнравственных манипуляций, эксплуатации ближних и кое-чего еще? Но лидеры последнего по времени переворота опять пошли привычным для России путем: до основания, а затем... Да вот это самое затем никак не высвечивается.

Теперь на очереди стоит вопрос неизмеримо сложнее, чем отрицание себя неоправдавшего: что предложить обществу, помнящему советскую пору, нового, позитивного в области идейно-духовной? Без идеала, без общепринятой категории священного нормально развиваться не может ни одно человеческое общежитие. Перестройщики избрали «классический» прием: извращение дальних и только что завершившихся этапов родной истории. Кроме такого маневра, рыночники не могли не прибегнуть к реанимации религий. Ведь, кроме воли Бога, невиданное обогащение 5 процентов населения и невиданное обнищание 95 процентов населения объяснить нечем.

Российский обыватель судит о возвышении церкви по участвовавшим телепередачам, по сверхбыстрым темпам возведения храмов, превышающим темпы строительства промышленных объектов в годы советских пятилеток. Это-то нынче, в дни деиндустриализации, погрома национальной экономики. Церковные иерархи стали обязательными персонажами важных встреч, государственных актов, то есть обозначили свое участие в политике. В каком центре и кем принято решение на этот счет - неизвестно. Священники присутствуют на приемах военной

присяги, даже окропляют стартовую площадку Байконура, экипажи космических кораблей.

Подчеркивание роли религиозности стало правилом хорошего тона. Первым пример стране показал Б. Н. Ельцин. Мы согласны: любой мог прозреть. Но в случае с первым Президентом явно есть что-то нечистоплотное. Еще совсем недавно он был одним из олицетворявших самое высокое коммунистическое руководство. Его портреты носили на демонстрации 7 ноября и 1 мая. Помнится, в Краснодарском политехническом институте был случай: один студент, который нес прикрепленный к длинной палке портрет кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Ельцина, кажется, на ноябрьской демонстрации, поленился после торжественного прохождения отнести его к грузовику, увозившему праздничное оформление колонны вуза, а оставил на улице прислоненным к дереву, за что понес строгое наказание.

Для рядовых граждан партийные вожди были высшим воплощением нравственности, включавшей воинствующий атеизм. И вот такая интереснейшая метаморфоза. Было бы по-человечески порядочным объяснить народу, что, например, Борису Николаевичу выпало святое видение, как отроку Варфоломею с известной картины М. В. Нестерова. И вот поэтому... Но никаких разъяснений он не сделал. Так же поступили его коллеги по Политбюро Э. А. Шеварднадзе и Г. А. Алиев, каждый в религиозной редакции своей веры. Мир обошли телесъемки Гейдара Алиевича во время совершения хаджа к святыням мусульман, обнаженного, прикрывавшего грешную плоть куском белой ткани, выкрикивающего молитвенные слова вслед за муллой на паломническом пути. А мы-то помним, с каким почтением об Алиеве говорил первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозков, когда тот приехал на Кубань в качестве председателя правительственной комиссии по расследованию обстоятельств гибели в бухте под Новороссийском лайнера «Адмирал Нахимов». Запомнился Алиев и на последнем Всесоюзном совещании завкафедрями общественных наук (октябрь 1986 года), где в зале Большого Кремлевского дворца с докладом выступал Горбачев. Они, что называется, вешали лапшу на уши о совершенствовании коммунистического воспитания студенчества. Ведь тогда Горбачев внутренне уже был готов предать СССР.

Где же предел лицемерию? Такой вопрос возникает, когда видишь демонстрирование религиозности любимыми населением лидерами России. Почему они не поведали нам тайну своего православного озарения. Если они считают это дело личным, интимным, как и должно

быть, то к чему выносить на телеэкран, страницы печати собственное появление в храмах, встречи с патриархом и т. п.? Такие иллюстрации имеют не личностное, а общественно-политическое значение.

Пример руководства – закон для подчиненных. Недавно ряды верующих неожиданно для многих пополнил губернатор Краснодарского края А. Н. Ткачев, бывший первый секретарь Выселковского райкома комсомола, получивший поддержку на выборах на пост главы администрации Кубани коммунистического электората. Об этом сюрпризе население края узнало из телерепортажа об освящении очередного храма, при котором Александр Николаевич стал, видимо, волнуясь, еще неумело, слишком широко осенять себя крестным знаменем. Справедливости ради следует сказать, что не все высшие московские чины и те, которые рангом пониже, очевидно, наиболее совестливые, смущенно наблюдают за своими начальниками, пока не выражая открыто приверженности к церкви. Заигрывают с церковниками и нынешние коммунисты, их бессменный вождь Г. А. Зюганов. Он регулярно возлагает по революционным датам цветы к мавзолею Ленина, но «забыл», что Ленин был решительным, последовательным противником религии. Прямо Геннадию Андреевичу адресованы убийственные ленинские слова: «...Не впадать... в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирясь с верой в бога, руководствуется не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетом: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: «живи и жить давай другим» (*Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 421.*)...

Что же делать теперь ректорам вузов, как преподавать отечественную историю? Открывать при высших школах домовые церкви, мечети, синагоги?

Стоящие ныне у власти должны осознавать, что при помощи религиозных учений и рассуждений крупной промышленности и сельского хозяйства не поднять, социальные проблемы не решить. Они обязаны учитывать прошлый опыт. Россия ведь длительное время знала засилье церковной идеологии в соединении с национальным чванством. О результатах того политического курса в эмиграции вспоминал один из умнейших и утонченных представителей русской интеллектуальной элиты князь Сергей Михайлович Волконский, бывший смотрителем императорских театров, а потом заместителем («товарищем») министра народного просвещения, лично приближенным к Николаю II : «Уваровская формула

«православие, самодержавие и народность», которая в первые времена провозглашалась с трубным гласом, так сказать, при веянии знамен, понемногу принизилась, упростилась; из политического гимна она превратилась в школьную прибаутку. **Смещение принципов национального и религиозного достигло последних пределов уродства.** Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным. Вероисповедной принадлежностью человека измерялась его политическая благонадежность. Ясно, что такое отношение к важнейшим вопросам духовной жизни низводило их на степень чего-то служебно-зарегламентированного, в чем проявлению личности не было места и в чем открывался необъятный простор лицемерию. И вот, я не могу иначе назвать всю тогдашнюю систему, как школу лицемерия. Это было политическое ханжество, в предмет которого никто в душе своей не верил. Удивительно, как ложная постановка этих вопросов приводила прямо к какому-то искажению мысли». < ... >

Официального мировоззрения «серьезные люди науки... не разделяли; критиковать было невозможно... Все работы Владимира Соловьева в кругу вопросов о национальности и национализме не что иное, как полемическое выступление во имя духовной, научной и житейской правды против официально утвержденных образов.

Избранничество русского народа перед всеми другими, национальное самомнение, утрата национальной объективности в суждениях и замена ее националистической субъективностью, смещение принципа религиозного с национальным и отсюда оправдание политического преследования в делах веры, постепенное выделение идеи народа, не как общей государственной массы, а как культурно не-затронутой обособленности, носительницы специальных даров, внушающей бережность к этой самой незатронутости и, в конце концов, священная идея «народа-богоносца» и какой-то духовный культ духовной некультурности. Вот что понемногу вырабатывалось, вот что двигало тогдашними отношениями к вопросам жизни государственной и общественной; все это пронизало собой тогдашние официальные теории воспитания, тогдашние мероприятия и даже тогдашнее законодательство. Большой грех на душе тогдашних людей - они играли в опасные игрушки» (*Волконский С. Мои воспоминания. Родина (1860-1922). «Медный всадник», 1923. С. 53, 58.*)

Прислушиваться к рассказу сведущего человека полезно: некоторые тенденции, напоминающие положение, существовавшее в старой России, нарождаются и дают знать о себе сегодня. Не пожалеть бы.

Политики, подверженные религиозным увлечениям, подвергаются критике. Так, выступая 24 ноября 2004 года на пленарном заседании Ломоносовских чтений, посвященных 250-летию Московского университета, правозащитник Александр Александрович Зиновьев заявил, что православная церковь рвется в официальные идеологи, навязывает дремучую религиозность. **В религиозное мракобесие, борьба с которым шла столетия, впал Президент.** Я готов простить советскую систему только за то, что она ликвидировала церковный обскурантизм, и не приемлю нынешнюю систему только за попытку его возродить. Его слова были встречены аплодисментами.

Религия не представляет угрозы современным мировоззренческим взглядам, развитие науки давным-давно вышло из-под ее влияния, остается надежно материалистическим. Большинство нашего народа, в первую очередь интеллигенции, наблюдают за усилиями жрецов вероучений, как правило, не очень грамотных, но очень инициативных, со снисходительной терпимостью и нейтралитетом. Правда, встречаются резкие заявления типа: «Христианским попам нужны недоразвитые, закомплексованные, тупые и запуганные люди. Из них элементарно делать рабов божьих» (*Истархов В. Удар русских богов. СПб., 1997. С. 28.*).

Как достичь взаимопонимания в современном обществе? Острейшая проблема современности – борьба против фальсификаций Великой Отечественной войны. В период празднования 60-летия Победы над гитлеровской Германией разгорелась полемика с правящими кругами Прибалтийских государств, которые не признают итогов войны, считают себя обиженными, оправдывают своих граждан, служивших в фашистских формированиях, участвовавших в боевых действиях на стороне гитлеровцев, что не может сегодня не вызывать законного возмущения у нашего народа, честных людей во всем мире. Но нужно посмотреть и на положение у нас в России.

Подготовка к празднованию юбилея Победы велась на основании принятой 16 февраля 2001 года Правительством РФ «Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы». Это самый первый, тщательно продуманный акт, направленный на внутреннюю консолидацию российского общества. В его создании участвовали десятки высших учреждений, в том числе научных, конечно же, Русская православная церковь. Программа финансируется государством. Документ содержит пять разделов, в которых изложены теоретические представления о важной проблеме. В

разделе «Мероприятия по реализации Программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» указано 101 конкретное начинание. Пункт 88 предполагает проведение научно-практических конференций «Россия во Второй мировой войне», ... «Полководческий талант Г. К. Жукова», «Отечество. Армия. Церковь». Пункт 89 - «Проведение научно-исторических конференций «Военное духовенство в истории России», «Русская православная церковь в Великой Отечественной войне».

В программе подчеркнуто, что ее задача - «активное противодействие фактам искажения и фальсификации истории Отечества»; «Программа включает мероприятия по усилению противодействия искажению и фальсификации истории Отечества» (С. 11). Однако этот государственный акт – образец грубейшего искажения истины, ориентирующий на убогую фальсификацию прошлого нашей Родины.

Что же может быть научного в этой программе, если при подходе к изучению Великой Отечественной войны она выхолащивает самое существенное. Ту войну вела не Россия, а СССР – детище Великого Октября, его единый советский народ, сплотившийся не на религиозной подоплеке, а на принципах победившего социализма. Вдохновителем, организатором и руководителем всенародной борьбы против немецко-фашистских оккупантов была до того невиданная на планете могучая политическая сила - Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков - ВКП(б), авторитет которой был абсолютен и непререкаем. Ее лидер И. В. Сталин являлся Верховным Главнокомандующим. В СССР было немало патриотических движений, в том числе в среде представителей православной церкви. Но их вклад в Победу несоизмерим с историческим подвигом коммунистов, которые, конечно же, опирались на широкую патриотическую поддержку. Без объединенных, целенаправленных коллективных усилий и личного примера служения Родине сталинской партии Победа была немыслима. В основе пламенной идеологии сражавшихся коммунистов и комсомольцев лежали идеи Ленина-Сталина. Они тогда представляли высшую духовную нравственность, были главной ценностью и аргументом поведения в тот страшный для каждого человека миг, когда он сознательно шел на риск, на смерть. Подтверждением гуманистической сущности идеологии ВКП(б) и Советской власти стала возможность сближения СССР с США, Великобританией, создание анти-гитлеровской коалиции.

Коммунистическая партия выступила высшим, последовательным выразителем чаяний нашего народа. С 1 июля 1941-го по 1 июля 1945 года

кандидатами в члены ВКП(б) стали около 5,1 млн человек, членами - 3,3 млн человек. На полях сражений пало около 2 млн коммунистов, свыше половины всего состава партии летом 1941 года. Почти три четверти Героев Советского Союза были коммунистами (*История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1 (1938-1945). М., 1970. С. 175, 370.*). Подобного подвига в истории человечества не совершила ни одна другая политическая сила.

Справедливо ли, научно ли, что в период подготовки к празднованию 60-летия Победы и при проведении юбилейных торжеств о ВКП(б) не было сказано ни слова, в том числе в речах В. В. Путина? Хотя на параде по Красной площади мимо гостей войска пронесли победные боевые красные знамена с изображениями серпа и молота, с портретами В. И. Ленина, с надписями «За нашу Советскую Родину!» Что же пенять на зарубежных извратителей истории, когда в стране явлен более масштабный пример возмутительного фальсификаторства? Но христолюбивым чиновникам украсть Победу у коммунистов не удастся. Истина, несомненно, восторжествует. Она нисколько не противоречит тому, что в послевоенные годы руководство КПСС променяло свои революционные заверения на номенклатурные привилегии, исчерпало кредит доверия людей, завело страну в непролазное болото застоя.

Сегодня важнейшей является задача формирования идеологии гражданского общества в России. Решение ее невозможно без пересмотра историографии. Следует продолжить исторические поиски, решительно отвергая словесную эквилибристику несостоятельных интерпретаций.

Великодержавные, шовинистические схемы, заквашенные на извлекаемом из небытия монархическом и белогвардейском старье, объединяющим началом для народа быть не могут. Новое время властно требует правды.

* * *

Ныне в числе других стоит задача продолжения изучения прошлого казачества, его состояния и роли в разные эпохи в судьбах России. Одним из плодотворных направлений является военная история казаков.

Общеизвестно, что казаки издавна были носителями высокого патриотизма. В лихие години они обязательно оказывались в авангарде защитников Родины, были одними из наиболее подготовленных профессионально, мужественными, стойкими, инициативными воинами, в совершенстве владевшими приемами вооруженной борьбы, присущими только им. Казаками восхищались, любовались и гордились. О них с

уважением писали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и другие. Но до сего дня нет исследований, в которых бы было прослежено развитие тактической техники казаков и казачьих частей на основе трудов военных специалистов XIX - начала XX века, уставов и наставлений, обобщающих непосредственную военную практику, регламентировавших поведение на поле боя, определявших направления обучения в мирное время. Изучение указанной стороны казачьей службы позволяет по-своему дополнить представления о сословно-корпоративной сущности предреволюционного казачества, его синтезирующем значении в осмыслении и использовании национального боевого опыта.

Цель предлагаемой работы - внести посильный вклад в освещение этой немаловажной для исторической науки проблемы.